

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

КОДЕКС ПРЕДСМЕРТИЯ

СЕРГЕЙ МАЛИЦКИЙ

МУРАВЬИНЫЙ МЕД

Кодекс предсмертия

Сергей Малицкий
Муравьиный мед

«Автор»

2007

Малицкий С.

Муравьиный мед / С. Малицкий — «Автор», 2007 — (Кодекс предсмертия)

ISBN 5-93556-850-0

Нелегкий выбор предстоит сделать бывшему рабу – исполнить давний обет или поступить по велению сердца. Никакого выбора не предоставляет судьба юной танцовщице – только бежать сломя голову, чтобы скрыться от могучего мага и старого сластолюбца, который, на беду, правит целой страной. Что еще нужно, чтобы двое гонимых принялись помогать друг другу? Новый обет, твердый договор, изрядная сумма золотом и смертельная опасность для обоих.

ISBN 5-93556-850-0

© Малицкий С., 2007

© Автор, 2007

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава первая	8
Глава вторая	12
Глава третья	19
Глава четвертая	24
Глава пятая	33
Глава шестая	40
Глава седьмая	47
Глава восьмая	54
Глава девятая	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Сергей Малицкий

Муравьиный мед

ПРОЛОГ

Пламя рванулось вслед за беглецами, лизнуло спину последнего, заставив несчастного закричать от невыносимой боли, но и само захрипело в бессильной злобе. Плоть чужого мира уже смыкалась вокруг огненного жерла, стискивала пылающее безумие. Над затянутой промозглым туманом падью взметнулся смерч и, подчиняясь властному взмаху рук одного из тройки, обрушил груды камней в кипящую магму. Затрещали и двинулись с места окрестные скалы. Задрожала земля, силясь затянуть рану. С грохотом поднялись из каменистого грунта два утеса и, столкнувшись лбами над усмирённой язвой, замерли.

- Ты приживёшься здесь, Сурра, – раздражённо чихнула в клубы пыли его спутница.
- Посмотрим, – прошептал маг и бессильно уронил руки. – Все.
- Все ли?

Женщина безучастно перешагнула через лежащего на камнях третьего, подошла к уткнувшимся друг в друга утесам, на ходу оглядела себя и погасила полый платя тлеющую рукоять узкого меча. Под ногами захрустел лёд.

- Ножки не отморозь, Сето! – зло крикнул вслед маг.
- Моя печать будет крепче, Сурра! – обернулась женщина.
- Конечно! – откликнулся маг и пробормотал вполголоса: – Ведь ты, мерзкая тварь, не двигала горы. Вечно прячешься за чужими спинами.
- Что она делает? – Третий со стоном попытался сесть.
- Замазывает дыры в плавильной печи, – презрительно скривился Сурра. – Или на тебя не брызнуло раскалённым металлом, любвеобильный Сади?
- Слишком легко, – вновь застонал, поднимаясь на ноги, раненый. – Мы слишком легко отделались. Ты уверен, что Зверь остался с той стороны?
- Я ни в чём не уверен, – хмуро бросил Сурра, вглядываясь в танец женщины.

Она именно танцевала, хотя ноги её не двигались с места, да и туловище застыло столбом. Танцевали руки. Они парили в воздухе, образуя размытый ореол вокруг замершей в напряжении головы. Но взгляд притягивали не взмахи. Внутренняя поверхность только что сотворённой арки и вымерзший в её тени грунт медленно разгорались багровым треугольником. Камень плавился, соединяясь в монолит.

- Вот теперь все, – отрешённо повторила слова мага колдунья.
- Нет, – упрямо наклонил голову Сурра. – Сади!
- Да он едва жив! – попыталась протестовать Сето.
- Трое торили путь, троим и запечатывать двери! – повысил голос Сурра. – Сади!
- Сейчас, – поморщился раненый. Заковылял к арке, оступился, отчего сквозь дыры в распахнувшемся плаще блеснуло обожжённое тело, и, взмахнув руками, качнулся вперёд.
- Что ты сделал? – тревожно спросила Сето.

Багровые сполохи остывающего камня почти исчезли. Внутри скального треугольника повис клочок непроглядного мрака.

- Силенок маловато осталось! – обернувшись, хрипло хихикнул Сади. – Пришлось запечатать проход собственной тенью.
- Уходим, – оборвал его Сурра. – Я вижу распад впереди. Попробуем выбраться на возвышенность.

– Это самое легкое из того, что нам пришлось делать в последние дни. – Сади старательно скривил губы в дружелюбной улыбке.

Сето не сказала ничего.

Растянувшись, троица медленно двинулась к белым скалам. Под ногами хрустел битый камень, в воздухе стояла сырость. Тропа скорее подходила для козьих копыт, чем для человеческих ног, но ставшие путниками беглецы словно не видели ничего вокруг. Они следили только друг за другом. И все же, когда между скалами заискрилось лучами светило, они не сдержали вздоха облегчения.

– Как мы назовем этот мир? – громко поинтересовалась Сето. – Эту звезду? Море, запах которого я чувствую?

– Никак! – Сурра резко обернулся. – Разве мы... боги? Я, к примеру, чувствую себя смертным. Думаю, здесь есть люди. Мы спросим у них, как зовут их звезду, их мир, их море. Помни, Сето, нашего дома уже нет. Твоими стараниями...

– Сурра прав, Сето, – пробурчал шедший последним Сади. – Насчет имен прав...

– Я знаю, – отмахнулась колдунья, хотя на лице ее согласия не появилось.

Спутники поднялись на вершину огромного холма к полудню. За спиной осталась мгlistая падь. Слева и позади сгрудились белые скалы. Справа раскинулся густой лес. Впереди искрилось зеленоватыми волнами море.

Сето притопнула по изъеденной ветрами полосе известняка, восхищенно воскликнула:

– А здесь не так плохо, как могло показаться! Дышится легко. Отличное место для Храма Единому! Лес, камень, гавань для кораблей – все рядом. В скалах мы видели родники. Я бы осталась.

– А я бы нет, – торопливо прошептал Сади. – Я бы ушел отсюда как можно скорее и как можно дальше.

– Сето, – позвал Сурра.

Он стоял в стороне, глаза его были закрыты, но от лица исходил такой холод, что Сади отшатнулся, а Сето зло прищурилась.

– Мы объединились не навсегда, – с видимым усилием вымолвил маг. – Теперь надо расстаться. И не только из опасения, что Зверь мог проникнуть сюда в плоти одного из нас. Мы слишком хорошо знаем самих себя. Рано или поздно все может повториться. Мы продолжим попытки убить друг друга.

– Так почему же не сделать это прямо сейчас? – с ненавистью прошипела Сето, положив ладонь на рукоять меча.

– Удобный случай! – Сурра потянул из-за пояса кинжал из темного металла. Его левый глаз блеснул зелеными искрами. – Сади пока слаб и безоружен. Ты недостаточно холодна, хотя, я уверен, силы сберегла больше остальных. Но я потратился слишком щедро. Поэтому отказываюсь от схватки. Пока. Чистой победы у меня не получится, а оплачивать собственной жизнью ваши смерти я не хочу. Вероятно, потом я пожалею, что не попытался расправиться с вами сейчас. Помни об этом, Сето.

Колдунья отступила на шаг и медленно опустила скрученные судорогой ладони.

– И вот что еще, красавица, – продолжил Сурра. – Я не желал бы, чтобы ты и Сади объединились против меня. Я хотел бы спокойно спать. Хотя бы несколько десятилетий. Рано или поздно вы споете одну песню. Сади все еще не верит, что он намечен в твоей войне следующей жертвой после меня, но я предпочел бы знать о ваших планах заранее. Ты понимаешь, о чем я?

Колдунья не шелохнулась. Только черные волосы, поднятые порывом морского ветра, хлестнули по ее бледным щекам.

– Он прав, Сето, – прошептал раненый, тяжело опускаясь на камень. – Твое зеркало необходимо разделить, иначе мне придется взять сторону Сурры. Ради собственной безопасности.

Колдунья обожгла Сади взглядом, еще крепче сомкнула тонкие губы и вытянула из-за пояса сверкающий диск. Мгновение она безмолвно рассматривала отражение безымянного пока светила в зеркальной глади, затем выковырнула стекло из тонкой серебряной оправы и так же молча разжала пальцы. Зеркало упало со звоном. Сверкающие брызги рассеялись по камням. Третью зеркала осталась у ног Сето, еще треть отскочила к Сади.

– Сето! – укоризненно покачал головой раненый, поднимая неровный треугольник.

– Ничего, – нервно сглотнул Сурра. – Давненько я не складывал стеклянных мозаик.

Маг вытянул руку перед собой, заставил мелкие осколки собраться в сверкающий рой и поймал его ладонью. Пальцы сомкнулись в кулак, хрустнуло стекло. Кровь потекла по запястью, но лицо Сурры не отразило боли. Он отступил назад, сделал еще шаг, еще и продолжал пятиться, пока не оказался на расстоянии броска камня. Затем развернулся и пошел к югу.

– Что ты видела в зеркале перед прорывом? – спросил Сади, заматывая доставшийся ему осколок оторванной от плаща полосой ткани.

Колдунья вздрогнула, на мгновение закрыла глаза и сказала после недолгой паузы:

– Сурра погибнет первым.

– Кто же его убьет?

– Ты.

– Смотри-ка! Никогда бы не подумал, что я способен с ним справиться. Ты уверена? Слушай, зачем нам ссориться? Мы неплохо ладили друг с другом.

– Сурра прав. – Сето перевела взгляд на раненого. – Рано ли поздно нам станет тесно и здесь.

– Что ж, тогда не буду приближать этот нелегкий миг, – поспешил подняться Сади. – Пока не буду.

Он попытался завернуться в обрывки плаща и заковылял в сторону леса, косясь через плечо назад. Все так же недвижимо колдунья смотрела, как Сади спускается с холма, как спотыкается на валунах и впадинах, кутает израненное тело. Затем она обернулась в сторону ставшей уже совсем крошечной фигурки Сурры. Дождалась, когда исчезнут оба, стянула с шеи платок и завернула в него осколок. Новым порывом ветра развеяло волосы. Сето поежилась, ту же застегнула широкий пояс на тонкой талии, вытянула из ножен меч и начала чертить на известковой лысине холма плавные линии.

Глава первая

Ветер безуспешно пытался проникнуть сквозь толстые стены северной башни дома Стейча. Он завывал в кровле, крытой пластинами сланца, кашлял и свистел в дымоходах, облизывал стекла узких окон, негодуя, срывался в затопленный ночной мглой колодец двора, но не мог подслушать, о чем беседовал хозяин потайной комнаты с гостями. Никто бы не смог подслушать. Открывались рты, шевелились губы, но ни звука не вплеталось в потрескивание фитилей. От каминной трубы, поднимающейся из покоев мага Ирунга, шло тепло. Лампы, заправленные чистейшим земляным маслом, горели без вонь и тоже ощутимо обогревали круглый зал. Вытканые женами покоренных горцев ковры прикрывали холодный камень стен, но собеседники не замечали ни тепла, ни холода. Четыре темные фигуры сидели на высоких неудобных стульях с узкими спинками, повернувшись лицами друг к другу.

– Ну вот! – произнес наконец властным голосом один из собеседников, закрывая обвитой набухшими венами ногой резной ларец. – Вот мы и пришли к единому мнению.

– Иначе и быть не могло, повелитель! – сухо рассмеялся, сдвигая на затылок капюшон, человек, напоминающий крысу. – И магия нам в этом не помешала!

– И все-таки я бы предпочел обходиться без нее! – раздраженно бросил обладатель больных ног. – Все-таки я не до конца понимаю, почему должен таиться даже здесь? Так ли необходимо было снимать одежду и кутаться в эти плащи?

– Неразумно, отправляясь на битву, кричать из окна о планах, дорогой конг Димуинн! – сверкнул пронзительным взглядом грузный седой толстяк. – Осторожность не бывает чрезмерной! К одежде могут прилипнуть семена ползучего хмеля, паутина. Птица, порыв ветра, спящая бабочка в углу потолка способны послужить чужими ушами!

– Даже теперь? – нахмурился конг. – Даже в твоём доме, Ирунг?

– Теперь и в моём доме, – кивнул маг. – Тем более после этих двух смертей. И если казнь бальского колдуна вовсе не повод, чтобы забыть об осторожности, то убийство посла серокожих – главная ее причина!

– Пора бы уже закончить пересыпать провеянное зерно! – поморщился конг. – Посол степняков получил по заслугам, хотя я и сожалею о собственной несдержанности. Но, демон меня возьми, в другой раз я поступил бы точно так же!

– Не дело правителя размахивать мечом в парадном зале дворца, – опустил глаза Ирунг. – Пусть даже посол далекой державы позволяет себе непочтительность.

– Я жалею лишь о том, что этот серокожий выродок сдох слишком быстро и не полюбился предварительно на казнь колдуна! – стиснув зубы, прошипел Димуинн. – Глядишь, и его смерть не стала бы столь легкой! Но он отказался опуститься на колени перед правителем Скира!

– Я помню. – Ирунг позволил себе улыбнуться. – Хотя в его пергаменте было еще больше непочтения, чем в его манерах. Сход степных танов потребовал от Скира покорности и подчинения!

– Так в чем же я был не прав?! – вскипел конг.

– Разве я говорил о неправоте? – продолжал улыбаться Ирунг. – Ты прав, но тороплив, мой конг! Разве я сказал, что посол степняков не заслуживал смерти? Но забывать о том, что степняки многократно превосходят числом сайдов, также не следовало бы. Степняки как мор, саранча, лесной пожар. Скиру не сладить с дикарями в открытой битве. Хенны в состоянии уничтожить любое королевство Оветты. Конечно, им не преодолеть ни бастионы Борки, ни стены Омасса, ни укрепления Ласса, но стоит ли так быстро менять наше нынешнее владычество над севером Оветты на участь осажденных в крепости?

– Серокожие не должны даже приблизиться к границам Скира! – Димуинн стиснул зубы. – Я знаю, чему ты меня учишь, дорогой Ирунг. Следовало улыбаться этому наглецу, а затем отравить его. Так, чтобы он умер в страшных муках, но не теперь, а по пути домой, через месяц, чтобы в отравлении не заподозрили сайдов! Только, дорогой мой, это было бы слишком похоже на трусость! Да и от угроз хеннов нас бы не избавило.

– Осторожность и трусость – не одно и то же, – покачал головой маг. – Отложенная месть утоляет жажду не хуже мгновенной! К тому же она слаще! Хотя не могу не согласиться, при любом исходе переговоров война со степняками кажется неизбежной.

– Дорогой Ирунг, в самом деле, довольно пережевывать проглоченное, – растянул губы в подобострастной ухмылке остроносый. – Не во имя ли сохранения могущества Скира мы заключили наш союз? Мы уже приняли решение, которое способно избавить нас от проблем. А пока об осторожности пусть думает тан дома Рейду. Но мне отчего-то всегда казалось, что ему думать нечем! Или я не прав?

– Ролл не слишком умен, – согласился толстый маг, – хотя его сын явно пошел головой в мать, умнейшую танку, которая уже не один год приумножает богатства дома Рейду. Ролл умен ровно настолько, чтобы прислушиваться в денежных вопросах к мнению собственной жены и не больше. Но я согласен с сиятельным конгом, вновь поручить столь серьезное дело герою прошлого похода – Седду, значит, слишком возвысить его перед другими домами. Он и так пользуется немалым влиянием в совете.

– Не придавайте слишком много значения возможным решениям совета, таны давно забыли о прошлых временах! – Конг раздраженно махнул рукой и повернулся к четвертой фигуре, которая казалась расплывчатой, словно ее очертания подрагивали вместе с бликами пламени: – Ты с чем-то не согласна, Тини?

– С твоими словами, – раздался из-под надвинутого капюшона сухой женский голос. – Значение следует придавать всему, иначе никакие наши клятвы и зарок не уберегут Скир от беды. И первой из бед обычно оказывается дурак, которому поручено важное дело. Я по-прежнему считаю Ролла неудачным выбором. Умный не всегда поступает умно, но дурак не поступает умно никогда! И меня вовсе не устраивает роль его провожатой. Она слишком похожа на роль погонщика безмозглого быка!

– С Седдом ты бы не справилась по другой причине, – расплылся в злой усмешке конг. – Он слишком умен и слишком горд, чтобы подчиняться женщине. Последний из старших танов, который так и не обзавелся семьей. Так что глупость Ролла – это преимущество, если мы говорим о необходимости подчинения строгой хозяйке храма Сето. Тем более что вести-то его надо лишь от Дешты. От Дешты и до цели, до той самой цели, которую Седд достичь не смог. И Ролл не достигнет... без тебя!

– Я бы не отнесла нелюбовь к женщинам к признакам ума, – чуть слышно усмехнулась Тини. – И ошибки Седда Креча не повторю. Вот только пусть не обижается на меня мудрая жена Ролла, если муженек по возвращении домой некоторое время не сможет ублажать ее ласками. Конечно, если он продолжит нелепое ухаживание за мной!

– Не хотел бы я стать твоим врагом, Тини, – холодно оскалился Ирунг.

– Тебе ли бояться колдовства, маг? – сверкнула глазами жрица. – Тем более что мы связаны клятвой и, значит, зависим друг от друга. Наша кровь смешана! Таким образом, предательство невозможно. Не так ли?

– Невозможно, – кивнул Ирунг. – Возмездие настигнет отступника, что бы ни случилось!

– Что бы ни случилось, – как эхо, произнесла Тини. – Предательство будет отомщено, но оно возможно. И этому придавай значение, конг. И нашей клятве. И дураку тану. И совету. И предстоящей зиме. И колдовству, о котором говорил Арух. Или мне послышалось, и бальский колдун не ворожил перед смертью?

– Ворожил, – скривился худой. – Но я же говорил тебе, Тини, это было колдовство против боли!

– Но ты также говорил и о том, что он вообще не сможет колдовать! – повысила голос жрица. – Если же он колдовал против боли, что заставило его потерять лицо и визжать, извиваться, теряя рассудок?

– Боль и заставила, – с ухмылкой поклонился ей Арух. – Значит, его колдовство не действовало. Значит, мое присутствие помешало его колдовству. Или я не могу сравниться силой с лесным колдуном?

– С колдуном, который сдерживал войско Скира на границе бальской земли? – уточнила Тини. – С колдуном, который не позволил ни одному отряду Суррары вырваться из-за пелены? А много ли бальских отрядов ты остановил на границе Скира, Арух?

– Ты же знаешь, что баль не нападали на Скир! – побледнел колдун. – Да и не от баль я помогаю уберечь сайдские земли. Не беспокойся, Тини, Эмучи больше нет! Пусть даже источник его силы не здесь... пока. Эмучи казнен, высолен, порублен на куски и сожжен. Или ты мне не веришь?

– Зачем тебе моя вера? – бесстрастно произнесла жрица. – Зачем тебе мое беспокойство? Мы приняли решение и следуем ему. Если оно ошибочно, судьба покарает нас. Если нет, наш зарок не даст нам перегрызть друг другу глотки. Так или иначе, с Роллом или без него, я доберусь до цели. Рано или поздно древние чары будут разгаданы и подчинены Скиру. Рано или поздно мы откроем тайну... заклятия. Думаю, что следующей весной пелена уже не будет сдерживать магов Суррары. Останется только повернуть их против хеннов.

– Они столкнутся неминуемо! – оскалился конг. – Но ведь ты же знаешь, что на этом наш союз не закончится?

– Знаю! – Тини не отвела взгляда. – Знаю и буду помогать в обуздании Суйки. Конечно, если она по зубам смертным. Думаю, что ее граница подобна пелене Суррары и сдерживается той же силой. Хотя Суйка как раз обращает тьму внутрь себя.

– Накапливает? – мрачно уточнил Ирунг.

– Вероятно, – поморщилась жрица. – Если это так, будем надеяться, что город умерших не скоро... наполнится до краев. Я не вижу другой причины для чародейства Суйки. Хотя и того, что каждый мертвец, отвезенный в царство усопших, может оказаться последней каплей, тоже забывать не следует. Вот о чем я думаю теперь чаще всего! Да и отблеск силы Эмучи все еще мерцает в зеркале.

– Подожди, Тини! – скривился конг. – Посмотришь в зеркало, когда подлинный алтарь Исс все же будет захвачен.

– Ни слова больше! – прошипел Арух.

– Твой советник прав, Димуинн, – равнодушно бросила жрица. – Будь осторожен, конг, даже когда змея убита, а кожа ее высушена. Яд может сохраниться на чешуйках. Новые змеи могут приползти, чтобы почтить память старой. Кстати, раз уж обряд вынудил нас сменить нормальную одежду на эти плащи из шерсти дикой козы, отчего ты никогда не жаловался на боль в ногах, конг? Или ты считаешь, что дочь храма Сето не найдет для всемогущего конга нужную мазь? Отчего Арух не поможет тебе? Об Ирунге не спрашиваю, он и со своими ногами не может справиться, хотя никто не сравнится с ним в магии!

– Я уже слишком стар, чтобы обращать внимание на такие мелочи, – отмахнулся маг.

– А я не лекарь, – скрипнул зубами Арух. – Или ты, жрица, не знаешь, что малое умалет большее? Вены конга не подчиняются мне!

– Я приму твою мазь, Тини, – кивнул Димуинн. – Прости, что вынудил тебя любоваться моими больными ногами, но не могу не заметить – созерцание твоей наготы заставило меня забыть о собственных наложниках!

– К счастью, с моей памятью все в порядке и наложницы меня не интересуют, – спокойно ответила жрица. – А тебе поможет новое молодое прекрасное тело на ложе, не так ли?

– Я уже позаботился об этом, – кивнул конг.

Глава вторая

Оденься теплее, пусть даже каменные мостовые Скира не по-осеннему горячи. Закутай лицо полупрозрачной тканью, через которую серые стены кажутся розовыми. Пройди по узким улочкам нижнего города к гавани. Проберись между складами, пропахшими рыбой и кожами. Заплати пару медяков стражнику, чтобы разрешил подняться по узкой лестнице на старый маяк. Крепко держись за поручни, да не жмурься от резкого ветра – зимой и не такие задуют. Странно, не правда ли? Чем ближе к светилу, тем холоднее! Даже все еще теплое море кажется отсюда холодным. А раскинулось оно, насколько хватает глаз. Весь Скир вместе с улицами и площадями, дворцами и храмами, трущобами бедняков и башнями гордых танов, вся земля сайдов с горами и пастбищами, буйной рекой Даж и отвоеванными у диких баль чашами предгорных лесов, замками и городами, – все осталось за спиной. А здесь, впереди, справа, слева, – только водная гладь без единого паруса.

Море. Точнее два моря. Два. Всякий свободный сайд, чьи предки однажды отправились к югу от покрывающейся льдом родины и завоевали благодатную землю для собственных потомков, это знает. На запад от Скира – теплое море. На восток – холодное. На севере они смешиваются между собой, закручиваются водоворотами, а перед наступлением холодов схватываются штормами, даже в спокойные дни вздымают смертоносные валы над редкими, выгнанными на промысел крайней нуждой утлыми суденышками. Впрочем, не многие рыбаки решаются испытывать судьбу в последний осенний месяц. Ураган следует за ураганом, ветра не стихают, коптильни и рыбные лавки хозяева запирают до весны. Даже грозные галеры скирского конга прячутся в городской гавани.

Вон они покачиваются, сцепившись бортами. Их сотни! Огромная гавань кажется застеленной живым ковром! Да и отчего бы не отдохнуть могучим судам? Кто рискнет подойти к берегам Скира в это время года? Даже если проскочишь между подводными скалами к городскому бастиону, вход в гавань узкий, его и в спокойное время нелегко пройти, а осенью гавань запирает тяжелая зеленая цепь.

Остальной же берег и летом не обещает легкой пристани. Недаром в храмах Скира возносят молитвы демонам морских глубин, что властвуют над пучинами и подводными скалами. С востока благодатный полуостров прикрыт неприступными горами, с запада – рифами и мелями. Только с юга можно ждать врагов, но пока в приграничной Деште стоит грозная армия, пока высятся башни замков и крепостей, пока платят дань ближние королевства и с ужасом оглядываются в сторону Скира дальние, гордым жителям благословенных долин опасаться нечего.

Все дозволено вольным сайдам, кроме слабости и уныния. Можно праздновать окончание путины и очередной победоносной войны, лить в глотки цветочное вино, раздирать на части копченую рыбу, петь песни и устраивать свадьбы. А если всего этого недостаточно, пожалуйте на склон городского холма, пока зима не занавесила улицы города холодным туманом, пока сырой ветер не загнал и богатых и бедных жителей Скира к очагам и каминам, пока не покрылись каменные скамьи наледью. Садитесь, благородные и не очень благородные сайды, на избранные места и радуйтесь зрелищам, что устраиваются в последний месяц осени милостивым конгом для благодарных сограждан.

Не далее как пять дней назад казнили знаменитого бальского колдуна Эмучи, что, по слухам, не единожды останавливал на границе лесных земель рать самого конга. Рать-то он останавливал, а от хитрости любимца Скира – Седда и доблести лучших воинов дома Креча не уберегся. Доставили колдуна в Скир связанным по рукам и ногам, со ртом, залитым воском, с глазами, зашитыми волосом дикой козы, чтобы колдовать не мог, чтобы сторожей не одурманил. До следующего похода на баль еще зиму надо пережить, а пока и с колдуном расправиться

забава. Опасному дикарю выжгли глаза, отрубили по локоть руки, по колена ноги, содрали кожу со спины и засыпали солью в деревянной бадье живьем. Вот было радости у светловолосых детей морского прибоя! А если вспомнить труп посла степняков, подвешенный за ноги на городской площади несколькими днями раньше, еще веселей станет!

Едва начали забываться прошлые радости, уже новый праздник стучится в двери – прощание с сиятельным Аилле. Пусть даже светило и не уходит никуда, только больше не поднимается оно так высоко над горами, а торопится скрыться, словно там, на юге, в самом деле ему теплее. Но не на Аилле смотрит свободный сайд, а на факелы, что зажглись на башнях правящего Скиром дома Ойду, на колонны дворца танов, украшенные гирляндами из ветвей горной иччи. Смотрит свободный сайд на арену, на которую в последний раз перед зимней дремотой вышли воины-рабы. Рабы дома тана Сольча против рабов дома тана Рейду. Дом тана Креча против дома тана Олли. Дом тана Биги против дома тана Нуча. Одиннадцать знаменитых домов в Скире, ведущих род от северных вождей, и все они верно служат конгу Димуинну, главе двенадцатого дома – дома Ойду, несущего уже третий срок копьё Сади, бога без тени, древнего героя сайдов!

Когда-то давно раз в пять лет таны выходили друг против друга с оружием в руках и бились за право владеть священным копьем, выточенным из кости морского зверя и увенчанным древним кинжалом. Но эти времена канули во мрак так же, как канула в холод и лед прародина сайдов. Теперь таны выбирают конга на совете. Теперь они не соревнуются в силе и воинском умении, а меряются хитростью, влиятельностью, вероломством. Каждый тан норовит перещеголять другого в красоте дома, в количестве слуг, в стати лошадей, в собственной показной доблести или в доблести воинов-рабов. Хотя какая может быть доблесть у рабов? Хитрость, сила, звериная жестокость, изворотливость, но не доблесть. Редко жалость или сочувствие бросают тень на лица возбужденных зрителей. Кого жалеть? Бывших врагов в рабских ошейниках, которые нет-нет да и обратят полные ненависти взгляды на заполненные ряды? Пусть сражаются на арене, а не в поле против войска сайдов. Пусть убивают друг друга, пусть...

И они убивают. Взлетают мечи, сверкают пики, трещат дубины и кости, разносятся над каменным двором крики и проклятия умирающих, но все эти звуки тонут в торжествующих воплях разъяренной толпы, что заполнила скамьи на склоне древнего холма. Вот только на нижних галереях, где за белыми колоннами тлеют огни жаровен, где каменные скамьи заменяют деревянные резные с войлочными подушками, где подрагивают бесценные прозрачные занавеси на закрытых террасах для знатных сайдок – жен и дочерей танов, происходящее на арене обсуждают чуть спокойней.

– Однако, Ролл, твой раб не уронил чести дома Рейду! Вынужден признать, он сущий зверь! – Подтянутый, почти худой, но очень крепкий и широкоплечий человек с легким поклоном повернулся в сторону довольного великана. Его одежда ничем не отличалась от одежды прочих собравшихся в галерее вельмож. Теплый длинный плащ из меха морской выдры скрывал все, кроме обуви, но коротко стриженная седая голова с правильными, словно выточенными из камня чертами лица даже в уважительном поклоне оставалась гордой.

На арене под довольный рев толпы серокожий гигант, выходец из далеких степей, сын одного из хеннских племен, рыча, выламывал руку только что поверженному, еще живому противнику. Не меньше двух десятков трупов лежало тут же. Слуги арены подходили к ним с крючьями, с опаской косясь на рассвирепевшее чудовище.

– Сожалею, Седд, что не удалось испытать в сегодняшних схватках честь или хотя бы доблесть дома Креча! – довольно хохотнул Ролл и, откинув полу плаща, обнял сына, с восхищением наблюдающего за серым воином. – Мы с Леббом с удовольствием насладились бы схваткой достойных противников! Отчего не выпустил своего воина? Я был готов поставить на него десяток золотых даже против собственного раба! Тем более теперь, когда сиятельный конг

собственноручно раскроил голову его соплеменнику – обнаглевшему послу. Или твой горец не лучший воин-раб в Скире? Вот уж раньше никогда не поверил бы, что выходец из безмозглых корептов способен так обращаться с оружием!

– Я бы тоже поставил на него! – вмешался лысый старик с крючковатым носом. – Правда, в таком случае сам уж точно не выпустил бы никого.

– Дом Олли и так выпустил только тех, кого давно пора было скормить дикому зверю, – скривил губы Ролл. – Не лучше было бы отправить твоих рабов в Скому, Касс? Скоро последняя охота, сыновьям Ирунга пора становиться мужчинами! Им нужна дичь!

– Дом Олли благодарен дому Рейду, что его раб не затруднился разделать мясо, предназначенное для зверей, тем более что он – этот самый зверь и есть, а для охотничьего замка хватит и той дичи, что готовит Ирунг, – язвительно улыбнулся старик и повернулся к Седду. – Мы увидим еще когда-нибудь выступление Хеена? Согласись, то, что я знаю имя твоего раба, Седд, уже говорит о многом!

– Конечно, – кивнул Седд. – Хеен выступит на празднике весны. У него легкое недомогание – упражняясь с оружием, он повредил кисть правой руки.

– Кто же умудрился дотянуться до его кисти? – удивился Ролл. – Судя по последним трем празднествам, это не удалось бы даже лучшим стражникам конга!

– Не нам обсуждать умения стражников конга, – жестко произнес Седд, но тут же позволил себе улыбнуться. – Пусть о них судят враги конга... когда придут в город умерших, да истребятся их потомки все до единого! Вельможи натянуто заулыбались, а Седд продолжил: – Кисть Хеену из-за чрезмерного усердия повредил его наставник – мой старый раб Зиди. Не знаю, успокоит ли это тебя, Ролл, но теперь и он отлеживается в своей камере. Пришлось отпустить ему сотню плетей. На этот раз за то, что испортил тебе праздник.

– Мне-то он его как раз не испортил! – расхохотался Ролл и прищурился: – Послушай, Седд, да настигнет удача дом Креча и всех его детей, а этот наставник случайно не тот бальский воин, который лет пятнадцать назад недурно сражался у подножия этого холма за твой дом, пока не повредил колено? И кстати, давно хотел тебя спросить, где ты его раздобыл?

– Я говорю именно о нем, – кивнул Седд. – Я отвечу тебе, Ролл, несмотря на то что ты не упустил случая напомнить мне, что, в отличие от тебя, детей у меня нет. Я получил Зиди у баль в качестве выкупа за десяток бальских женщин. До сих пор удивляюсь, как народ, который способен пожертвовать лучшим воином ради нескольких баб, еще не растворился в собственных лесах без остатка!

– Подожди, Седд, – нахмурился лысый старик. – Я слышал эту историю. Ты провернул выгодное дело. Зиди не одну сотню золотых принес в твои кладовые. Но ведь ты давал какие-то обещания Эмучи насчет его воина?

– Его воин приносит мне золотые до сих пор! – усмехнулся Седд. – Но ты прав, мой дорогой Касс, Эмучи назначил его предсмертным слугой, и я обещал колдуну отпустить Зиди для выполнения обряда. Правда, через почти восемнадцать лет мне показалось, что лучше жреца баль привезти в Скир, чем отпускать на его похороны собственного раба!

– И это у тебя получилось, демон меня задержит! – вновь расхохотался Ролл. – Что же ты не приволок Зиди на казнь колдуна, раз уж твоими стараниями оба оказались в Скире?

– Когда я тащил Эмучи в Скир, он даже не вспомнил о Зиди, – притворился удивленным Седд. – Или вспомнил, но не смог сказать.

– Может быть, он что-то сказал Аруху? – прищурился Касс. – Ты не спрашивал у остроногого советника конга, что ему прошептал перед смертью бальский колдун?

– Он только скулил, – поклонился старику Седд. – В любом случае имени Зиди я не услышал. А против твоего воина, Ролл, я мог бы выпустить даже старого раба, если бы не его колено, конечно. Зиди был настоящим мастером. К несчастью, превратившись в калеку, он оказался болтливым, ленивым и глупым рабом. Пристрастился к выпивке, стал охоч до рабынь,

поэтому испробовать плетей для него не впервой. Правда, его воинские умения не исчезли. В те дни, когда мои надсмотрщики лишают его выпивки, он неизменно оказывается лучшим наставником! Поверь, с таким учителем и ты, Ролл, смог бы сделать из серого цепного зверя непобедимого воина.

– Разве кто-то уже успел победить моего дикаря? – Ролл приложил руку к глазам. – Или кто-то сможет это сделать, пока твой Хеен оправится? А к весне и мой воин-раб улучшит навыки... И твой хромой наставник ему в этом не поможет уж точно. Не доживет твой калека, Седд, до весны. Поверь мне, твои трудности в усмирении собственного раба, который к тому же болтливый любвеобильный пьяница, подошли к концу. Кажется, я собираюсь увериться в том, что он дурак. Лебб, сын мой, приглядишься, не врут ли мои глаза? Не тот ли самый Зиди стоит сейчас в каменной арке и рассчитывает стать вольным? Обернись, Седд! Не хочешь ли ты сказать, что его рабству пришел конец? Неужели Эмучи сумел призвать его?.. Точно, сумел! Только зовет он его прямиком в город умерших!

Арена, примыкающая к холму, была огорожена крепостной стеной и портиками угрюмых храмов, из которых устроители празднества выпускали воинов-рабов и диковинных зверей, но одни ворота вели прямо в город. Запертые на тяжелые замки кованые створки начальник городской стражи лично отпирал перед каждым представлением, а стражники придерживали их, чтобы звери не могли вырваться на улицы города. Арку этих ворот, выполненную между каменными ногами бога Сади, следящего за прижизненными деяниями сайдов, в городе называли Вратами справедливости, а за глаза – Вратами смерти. Проход через них был свободным, правда, только внутрь арены.

Не многие решались пройти через ворота, а уж большинство свободных граждан Скира боялись и подумать об этом. Даже отчаяние чаще всего оказывалось слабее страха перед смертью, но всякий свободный сайд знал, как ему избежать расплаты за совершенные преступления. Всякий невольник всеильного Скира был уверен: любой раб, принадлежащий любому дому, даже дому конга, имел право по окончании празднества встать в арку древних ворот, а затем сразиться с победителем смертных ристалищ, чтобы завоевать собственную свободу. Только очень мало находилось рабов, пытавшихся избавиться от неволи столь рискованным способом, или горожан, желающих снять с себя тяжелые обвинения.

Законы Скира соблюдались его правителями неукоснительно, и даже рассказывались неясные предания, что кому-то удавалось воспользоваться самым диковинным из них, но никто не мог назвать ни имени счастливого, ни года, в котором произошло подобное чудо.

Когда в каменной арке появилась фигура раба, рев исступленных горожан затих почти мгновенно. Зрители немедленно уверились, что увидели самоубийцу. Право на схватку раб, конечно, имел, но уж больно страшен был нынешний победитель. Впрочем, любую забаву, которая могла послужить темой долгих зимних разговоров в теплых скирских трактирах, следовало принимать с радостью, которая не заставила себя ждать. Довольный гул понесся по склону холма, а когда уже успокоившийся гигант, только что принесший победу тану из дома Рейду, бросил вывороченную из сустава руку на окровавленный алтарь бога войны Сурры и поднял тяжелую дубину, по рядам побежали начетчики, застучали таблички, зазвенели монеты. Зрители делали ставки.

– Ну? – Ролл ухмыльнулся в лицо стиснувшему кулаки Седду. – Что ж ты не приковал ленивого болтуна к стене перед праздником? Отчего не запер его в темницу? Или он не сообщил тебе о планах? Так, может, он недостаточно болтлив? Кто хочет поставить на победу хромого? Даю пятьсот монет против ста, что мой раб разорвет его на куски! Даже пятьсот против пятидесяти! Я смотрю, он не только хром, но и спину держит так, словно сотня твоих плетей, Седд, все еще волочится за ним по камням. К тому же у него деревянный меч. Видно, рабская

доля в доме Креча столь трудна, что наставник Хеена решился покончить с жизнью! Ну, делаешь ставку?

– Я не бросаюсь деньгами даже с ярусов нижней галереи! – процедил сквозь зубы Седд.

– Может быть, тебе хотелось сделать это с верхней? – язвительно прошептал Ролл.

– Верхняя галерея занята конгом, да продлятся его годы по милости богов, – выпрямился Седд.

– Я поставлю на сумасшедшего! – поспешил вмешаться Касс. – Как ты говоришь, Ролл, пятьдесят против пятисот?

– Касс! – процедил сквозь зубы Седд. – Ты в своем уме?

– В своем, – торопливо закивал тот. – Или ты боишься, что доблестный Ролл откажется платить? Напрасно! Он – честный малый. Я могу бояться только одного, что для выплаты проигрыша Роллу придется посылать нарочного в домашнюю сокровищницу! Слишком хорошо я помню, на что когда-то был способен Зиди!

Ролл замер в недоумении, потом громко расхохотался и, ответив старику учтивым поклоном, заорал во всю мощь широкой груди:

– Салис! Разорви на части калеку, и ты забудешь о рабской доле до конца зимы!

Этот клич на мгновение прорезал стоявший над склоном холма заинтересованный гомон, заставил повернуть голову великана, но в следующее мгновение гул усилился. Начетчики разочарованно замахали восковыми табличками.

Явно обезумевший раб пошел вперед, припадая на одну ногу. Хромота смельчака не вызвала оживления среди игроков. Предстоящее действие начинало все больше напоминать убийство. Серокожий, вымаранный в подсыхающей крови гигант, положил дубину на плечо и замер, насмешливо глядя на приближающегося наглеца. А тот неторопливо ковылял вперед, подтягивал едва сгибающуюся левую ногу, поводил плечами, морщился от боли в спине, хромал и опирался на просмоленный деревянный меч. Не дойдя до соперника десятка шагов, Зиди остановился, сбросил с головы суконный колпак, обнажив коротко остриженные седые волосы, стянул, перекладывая меч из руки в руку, войлочный халат и с развязным смешком поклонился толпе, словно был не смертником, а ярмарочным шутом. Затем раб выудил из-за пояса небольшой мех, в которые в Скире никогда не наливали ничего другого, кроме терпкого цветочного вина, и под усиливающееся улюлюканье опрокинул его в глотку. Опустевший мех упал на камни, Зиди пьяно качнулся, затем осторожно выставил вперед больную ногу, чуть согнул здоровое колено и замер, стиснув прижатую к боку рукоять меча.

– Баль! – вдруг разнесся истошный голос какого-то весельчака с верхних рядов. – Никак домой собрался? Тогда жди весной в гости войско сиятельного конга! Поспеш, а то снег выпадет, не дохромаешь до родной деревни раньше скирских воинов!

– Мало выпил! – заорал следующий. – Надо было выпить еще три раза по столько, тогда и боли не почувствовал бы, и в себя пришел уже после смерти!

– Смотри, смотри! – выкрикнул третий. – Твой противник уже дрожит от страха!..

Хохот прокатился по склону холма, серокожий принял усмешки на собственный счет и, издав приглушенное рычание, двинулся вперед. В мгновение он обратился в кровожадного зверя. Дубина на его плече и в предыдущих схватках была всего лишь деревянным дополнением к ужасному облику. Он сам становился дубиной, живой смертью, жалом, оскаленной пастью, когда разил без пощады соперников на серых плитах чужого города, и вновь обратился в дикого зверя от криков толпы. Там, на далеком юго-западе, где сохранился обычай пожирать сердце убитого врага, он без сомнения мог бы превратиться в одного из лучших воинов огромного племени. Не получилось, потому что лет пятнадцать назад на одинокий степной шатер налетела конница разбойников без роду и племени, посекала в труху взрослых, а крепкозубого малыша спеленала по рукам и ногам, чтобы в одну из вылазок к морскому берегу продать работоторговцам. Конница серых вскоре настигла наглецов, распяла их на сухой траве

и испекла заживо, запустив в их сторону степной пожар. Вот только ребенка не успели спасти. Предприимчивый сайд знал свое дело, он мгновенно приказал поднимать якоря и ставить парус, и скоро несговорчивый, умеющий только рычать малыш-степняк оказался на невольничьем рынке Скира, а затем и в стойле дома Рейду.

Там из серокожего постепенно и сделали зверя. Страшного зверя, остановить которого сумели бы в одиночку не более десяти лучших воинов Скира. Еще неизвестно, кто бы победил, сразись Салис со знаменитым горцем Хееном, рабом дома Креча, которого Седд приберегал именно к этому неудавшемуся для него празднику, за что и спустил шкуру со старого Зиди. Можно предугадывать победу одного из двух воинов, но когда сражается зверь, тут приходится кроме умения призывать еще и удачу, а она – птица изменчивая. Вряд ли присядет на дрожащее от выпитого плечо. Тут и стая таких птиц не выручит. Что может предъявить зверю старик? Или не старик, а просто посеченный жизнью седой воин, который по мнению возбужденной толпы вполне готов был с нею расстаться?..

Салис в мгновение оказался рядом, подбросил плечом, подхватил дубину двумя руками, коротко отвел ее вправо и послал на уровне плеч с разворотом вперед, чтобы снести седому наглецу голову, раздробить ее, сплющить, а уж потом раздрать его самого на части, разорвать голыми руками, чтобы ужас встал в глазах веселящейся толпы, чтобы ужас стоял в глазах каждого, кто осмелится выйти против Салиса на этих камнях или кого выгонят против него безжалостные таны будущей весной.

Только противник вдруг исчез. Упал ли, присел ли на здоровой ноге – неясно, но какое это имело значение? Дубина длиной в три локтя слишком тяжела, чтобы ее остановить даже усилием чудовищных мышц. Ничего, просвистит до левого плеча, ляжет на левую руку и обратно пойдет на локоть ниже. Тогда уж ни уклониться, ни присесть не удастся немощному. Тем более что вот он, поднимается вновь. А прыток старик оказался. Прыток, но слаб. Еще и деревяшкой не махнул ни разу, а лоб уже от пота блестит. Может, ему сначала вторую ногу сломать, да живого на части рвать?..

Тишина над склоном замерла такая, что свист дубины, похожий на порыв ветра, расслышали все. Зрители так ждали удара и фонтана разлетающихся мозгов наглеца, что не сразу поняли, что не попал гигант по сумасшедшему седому рабу. Тот словно ростом уменьшился, только просвистела дубина у него над головой, а он вроде опять как стоял, так и стоит. На одной ноге, что ль, приседал? Или он не вино, а воду из меха в глотку лил? Да ладно, что бы он ни пил перед схваткой, а с такой ногой и по ступеням не во всякий трактир спустишься! Резвый мальчишка, из тех, что рыбу воруют на прибрежном рынке, и на двух ногах так не присядет! Да и с мечом управляться...

Удар был глухим. Судьба отпустила Зиди одно мгновение, чтобы взмахнуть мечом. Даже стражник конга не управился бы с тяжелым деревянным клинком. Вот только раб и не пытался им размахивать. Он просто ткнул заостренным просмоленным деревом Салису под гортань. Коротко ткнул, подав вперед руку меньше чем на локоть. Не тот материал дерево, чтобы о доспехи биться, но чтобы пронзить кожу между ключиц – в самый раз. Чтобы войти на ладонь в серую плоть, чтобы заморозить чудовищные руки с дубиной за левым плечом – лучше не придумаешь. И для того, чтобы собственному ученику, против которого здесь на арене и сам старый Зиди не выстоял бы, подбить на неделю кисть – тоже годится. И чтобы вырвать восхищенный выдох из нескольких тысяч разжиревших глоток проклятого Скира – подойдет. А уж чтобы привычно размахнуться и нанести знаменитый бальский удар, когда острие, пусть хоть деревянное, хоть стальное, минуя возможные доспехи, рассекает лицо противнику – левый глаз, переносицу, правый глаз, – самое оно. Теперь главное – не упасть. Все-таки ударил хмель в голову. Теперь надо поклониться, улыбнуться и помахать дрожащей рукой ревущему склону. Знали бы иступленно орущие зрители, как это не просто выпрямить уже трясущееся от напряжения здоровое колено, подтянуть больную ногу, неловко повернуться, несмотря на рухнув-

шее, исходящее теперь уже собственной кровью чудовище, и замереть неподвижно. Обряд есть обряд, не перед затихшим вдруг склоном опустил голову Зиди, а перед верхним ярусом галереи, откуда наблюдал за происходящим сам конг.

Затянувшуюся тишину наконец разорвал удар колокола. Конг подтвердил древнее право раба на свободу. И мгновенно зашумел, загудел восхищенный склон. Кто-то из особенно отчаянных игроков сорвал большой куш. Зиди кивнул, отбросил в сторону деревянный меч, с усилием разогнул металлический ошейник, который и не всякому воину конга дался бы, бросил опостылевшую железку на камни, потер шею, неуклюже шагнул в сторону, с трудом нагнулся, поднимая с камня халат и колпак, и пошел, хромая, через каменную арку в город свободным человеком.

– Что скажешь? – Касс положил руку на плечо Седда. – Потеря раба меньшая беда, чем проигрыш на арене. Честь твоего дома не пострадала. Я Ролла понимаю, он язык проглотил, хотя от утраты пятисот монет дом Рейду не обеднеет. Правда, танка ему теперь все волосы выдерет, так с пустой головы хоть волос клочок. Не жалко терять такого умельца? Не знаю, насколько он болтун и бездельник, хотя пьяница явный, но воинских умений он за последние годы действительно не растерял! Теперь я вижу, каков источник доблести твоего Хеена. У него был отличный наставник!

– Старика не жалко, – медленно процедил Седд. – Да и старик он лишь по меркам воина, четвертый десяток едва перешагнул.

– Редко кто доживает до сорока даже в рядах доблестных воинов самого конга, да продлят боги его годы, – заметил Касс.

– Всякий раб, ставший свободным хоть по милости сиятельного конга, должен молить богов, чтобы они позволили прожить ему лишний день! – скрипнул зубами Седд.

– Ну, Скир безопасный город для свободных горожан! – перешел на шепот Касс.

– Чего не скажешь об его окрестностях, особенно для тех наглецов, которые бросают герб Креча на камни! – прошипел Седд, поклонился Кассу, все еще беззвучно разевающему рот Роллу, прочим танам, возбужденно обсуждающим происшедшее, и быстрым шагом направился к выходу из галереи, едва не сбив с ног шуплую фигурку в тяжелых тканях. Незнакомка вздрогнула и посторонилась, пропуская знатного воина. В другой раз тан дома Креча непременно остановился, взгляделся бы в мерцающий под дорогой тканью завораживающий взгляд, поинтересовался, куда это в одиночестве спешит знатная девушка, пренебрегая обычаями Скира, но теперь он был полностью поглощен собственными мыслями.

Глава третья

В высоком камине тлели угли. Когда вымазанный сажей слуга забрасывал в проем очередную порцию пищи, огонь разгорался не сразу. Камин начинал кашлять дымом, который, впрочем, послушно уползал в закопченный дымоход, и лишь постепенно наполнялся ровным гудением и радостным потрескиванием. В полутемном зале стояли гам, крики, но до драк доходило редко – за порядком следила четверка крепких гребцов с продубленными морским ветром лицами, да и сам хозяин то и дело выглядывал в зал. Так что если и опускалась какая из многочисленных теней на пол, то не по причине отравления дымом или неожиданного удара, а исключительно от естественной слабости. Только ведь на то он и портовый трактир, чтобы отправить душевную малость в свободное плавание между сладкими видениями и бодрящими кошмарами, не опасаясь излишнего внимания к собственному кошельку, да и к собственной персоне.

Если бы Зиди попытался подыскать более укромное место в Скире, чтобы не привлекать к себе всеобщего внимания, лучше заведения одноглазого Ярига в порту все равно бы ничего не нашел. Сам бывший раб, тот слыл торговцем, с которым можно было договориться о многих вещах. Ходили даже слухи, что он покупал краденое, хотя ни разу за руку трактирщик пойман не был, не то сразу бы руки лишился. Зато никогда и никто из тех, кто просил у Ярига за посильную плату содействия в щекотливых делах – скрыться от кредиторов или строгого отца, взять денег в долг, заморочить голову мытарям конга, отвертеться от службы в войске или от городских работ, – без помощи не оставался. Правда, и стражники Скира не забывали об угрюмом каменном здании с десятком дверей, ведущих в извилистые переулки, но Ярига это не слишком беспокоило. Тем более не следовало опасаться стражников бывшему рабу влиятельного дома Креча, получившему свободу по удару священного колокола.

За день до того, как Зиди рискнул шагнуть в каменную арку, он пришел к Яригу и снял на неделю тайную каморку для вольного иноземца, бросив под деревянный топчан мешок с собственным нехитрым скарбом.

– Как зовут этого вольного иноземца? – поинтересовался Яриг, пересчитывая медяки.

– Зиди, – ответил Зиди.

– Совсем как тебя! – пробурчал одноглазый, бросив взгляд на железный ошейник с клеймом дома Креча – сидящего ворона, – что до времени оставался на жилистой шее. – Если он еще и пьет, как ты, я получу солидную прибыль. Когда же он прибудет? А то ведь знаешь, Зиди, хотя и знаком я с тобой полтора десятка лет, и судьба нас связала крепко-накрепко, и просьбы я твои все выполняю без лишних вопросов, надо бы и о собственной шкуре позаботиться! Для кого я на днях по лавкам мотался? Ни одного вопроса не задал: ни откуда у тебя золото, ни зачем тебе эта ерунда, что я покупал! Да, ты тоже никогда мне в помощи не отказывал. Вот сына моего обучил с кухонным ножом управляться, как не всякий воин с кинжалом управится, но у всего есть предел! Ни селить рабов, ни заключать с ними сделки я не могу. Или ты хочешь, чтобы я трактир потерял?

– Завтра, – поднялся Зиди, морщась от боли в увечной ноге. – Успокойся Яриг, не то последний глаз на пол выпадет. Завтра он прибудет. Вольный иноземец, которого зовут так же, как и меня. А если вдруг не появится, можешь и плату забрать себе, и его мешок тоже. Только имей в виду, что он не из тех, кто радуется неожиданным гостям, он хотел бы пожить в твоём трактире недолго, но тихо и незаметно! А потом так же тихо и незаметно убраться из города.

Назавтра, когда Зиди сам появился в трактире Ярига и молча предъявил ему деревянную бирку с выжженным оттиском печати начальника городской стражи, трактирщик уже ни о чем не спрашивал. Скир был большим городом, но не бескрайним, чтобы события, которые случаются не чаще чем раз на памяти одного поколения, не долетели до прибрежной окраины. Зиди

же, которому стоило немалых трудов скрыться от толпы зевак, пересилил себя и постарался попусту не трепать языком.

Выправив ярлык у ошеломленного начальника стражи, он быстро, насколько позволяло больное колено, дошел до храмовой площади. Там, осыпая руганью скирских мальчишек, баль свернул во двор собачника. Псы его отнеслись к хромоте на удивление безразлично, но набросились на бредущих за ним любопытных. Зиди тут же нырнул в лавку менялы, вышел через другую дверь на соседнюю улицу и заполз в щель между домом скорняка и связками рубленого хвороста. Осталось лишь переодеться в загодя приготовленное платье, высосать припасенный тут же мех вина, дождаться темноты, а потом пробраться в гавань и постучать в одну из неприметных дверей трактира.

Неделю Зиди отсиживался в заведении Ярига в ожидании последней воскресной ярмарки. То спал на жестком топчане, то, прикрутив фитиль чадающей лампы, сидел в углу темного зала и мех за мехом потягивал легкое вино, пока хозяин за небольшую доплату искал для него неказистую лошадь с повозкой, неприметную одежду крестьянина-сайда и несколько кип дешевой кожи.

– Не густо ты скопил богатства за восемнадцать лет рабской службы, если это все деньги, что у тебя остались! – посетовал Яриг. – Или спустил золото и теперь тратишь последние медяки на всякое барахло? Зачем тебе это все?

– Домой поеду, – пробурчал Зиди, морщась от головной боли. – Хватит, намахался мечом во славу дома Креча. Да и не будет мне жизни в Скире, убираться отсюда надо, тихо и незаметно!

– Сомневаюсь я, что стража главных ворот Скира забудет, как хромым крестьянином с грузом вонючих кож предьявлял им ярлык освобожденного раба, – покачал головой Яриг.

– А я и не поеду на повозке, – пьяно икнул Зиди. – Я поеду на твоей лошади, Яриг. Одеюсь в твой плащ. А на повозке поедет твой сын. Выберется вместе с крестьянами в рыночный день, дождется меня в деревне, что в лиге от городской стены, заберет твою лошадь и одежду и вернется. Я бы и сам на повозке выехал, так ведь не уйду далеко, если сразу же себя выдам!

– С чего бы это я должен тебе верить? – нахмурился Яриг.

– Вот. – Зиди неловко выронил на стол серебряную чешуйку. – Вторую сыну твоему отдам. Больше нет, но и этого хватит. Считай, что не баловал меня тан дома Креча монетой. Или я истратил все заработанное на ерунду. Только не говори мне, что я все пропил! Не больше половины! Что касается веры, разве не о тебе талдычат в городе, что ты видишь покупателя насквозь? Разве не о тебе ходит слава, что еще ни один мошенник не смог не только обмануть тебя, но даже присесть за один из твоих столов?

– Ну вот, скажи еще, что я один из колдунов конга! – Яриг сплюнул на пол, попробовал монету на зуб и аккуратно поправил повязку на отсутствующем глазу. – Мошенники тоже есть хотят, отчего я должен отказывать им в еде? Другой вопрос, что не обманывают они меня. Ладно! Спорить не стану – вижу, что ты честен, – другого я боюсь.

– Чего же? – не понял Зиди, сделал очередной глоток и размазал вино по лицу рукавом.

– Седда Креча! – крикнул трактирщик. – Его соглядатаи день и ночь у всех ворот стоят. А ну как узнает он, кто тебя в городе укрывал? Зол он на тебя. Закон законом, так ведь Седд и вольному сайду оскорбления не простил бы. А ты лишил его наставника – себя то есть, – да еще Хеена покалечил. Ну, пусть не покалечил, только выход на арену ему сорвал. Но ты же самого Креча оскорбил – бросил ошейник с клеймом ворона на камни! На ворота ты должен был его повесить, на ворота! В городе он тебя, конечно, не тронет, а за стеной тебе несладко придется.

– Ничего я ему не должен, – поморщился Зиди. – А если и были какие долги, он в их получении на моей спине уже расписался. Там живого места не осталось. И так только на животе спать могу. А тебе бояться нечего. Думаешь, я не знаю, что твои молодцы за квартал от трак-

тира гостей встречают? Я еще по рыбьей чешуе сапогом шелестел, а ты уже знал, кто к трактиру подходит. Сделаем, как я прошу, а там пусть Креча меня поищет.

– Одного я не пойму, – задумчиво проговорил Яриг. – Ты же и восемнадцать и пятнадцать лет назад в самой силе был. Нога еще тебя слушалась. Отчего раньше не встал в арку? Ну ладно, до коленки твоей тебя так и так на арену выталкивали, понимаю. А потом, если хромота тебе не мешала? Неужели так сладко было вино в моем трактире? Вроде и в долг я тебе не отпускал. Или с плетью Седда Креча расстаться не мог?

– Ты же не согласишься, если я скажу, что жизнь моя была легкой? – сдвинул брови Зиди.

– Не поверю, – кивнул Яриг. – Но и расспросами мучить тоже не стану.

– Ну так и не мучай! – Зиди поймал отрыжку в кулак, тяжело поднялся из-за стола, застыл в раздумье, прежде чем возвращаться в потайную каморку, повернулся на здоровой ноге. – Благодарен я тебе, Яриг, поэтому скажу. Весной конг на баль войска двинет. А не двинет, так серокожие из-за гор накатят. Злые они будут за посла, которого конг зарубил, очень злые. Всех, кто под руку попадется, резать будут. Я уж не говорю, что колдуны Суррары могут теперь войска из-за пелены выставить. Она же только магов сдерживает. Те, кто грабит и убивает, но силой дурной не пользуется, всегда сквозь пелену свободно проходили. Видишь как? А жреца моего народа теперь нет, охранять баль некому. Крепости и башни бальские долго не простоят, и в чащах на век не спрячешься. Горят они порой, понимаешь? Может, кто из моей семьи еще жив. Спешить мне надо, близких спасать, уводить их за речку Мангу в сеторские леса.

– Не доберешься ты домой до зимы, – поскреб ногтем переносицу Яриг. – Да и не спасут тебя сеторские леса, если конг или степняки бальские леса пожгут. Я уж не говорю, что лошадка, на которую твоих медяков хватило, смерть как облегчение за каждым поворотом выглядывать будет. До Борки, скирского каменного запора, еще добраться надо. А минуешь Борку, дальше путь еще труднее завернется. В приграничье дозоры стражников хуже разбойников. Тут и золотым не откупишься, а уж с твоими богатствами и думать нечего. Да и про Седда не забывай: пока он твою голову на пику не насадит, не уснет. Думаю, что и Ролл, чьего раба ты на деревяшку нанизал, тоже возлюбить тебя не успел. Тебе личину менять надо, наниматься охранником к богатому купцу из тех, что последние караваны перед зимой на восток собирают.

– Кому нужен хромой охранник? – поморщился Зиди. – Никакая личина мою хромоту не скроет. Да и нет сейчас купцов в Скире, ты лучше меня знаешь. Две недели уж как они ярмарку покинули, в воскресенье последний торговый день, а затем и крестьяне из города уйдут. Купцы теперь в Деште, и караваны не в бальские земли, а на запад – в Урисс, в Дуисс, в Гивв собирают. А туда мне дороги точно нет. Нет, Яриг, я уж сам как-нибудь.

– Ну, смотри, – протянул трактирщик. – Только ты уж постарайся, чтобы я забыл о тебе и не вспоминал никогда.

– Не сомневайся. – Зиди погрозил пальцем и нырнул в узкий коридор, словно пьяный под забор повалился.

Последняя воскресная ярмарка на то и была последней, чтобы высыпать всем городом на узкие улицы, всласть наругаться с торговцами, потратить с умом бедняцкую медь или хозяйское серебро, закупить на зиму муку, зерно, овощи, сушеные фрукты, мед, вино, соль, уголь. И после ярмарки торговля не прекратится, да у лавочников уже не выторгуешь лишнюю монету. Другое дело – крестьянин, у которого товара воз, и не один. Ему порой легче цену снизить, чем обратно богатство, тяжким трудом наработанное, нераспроданным везти. Поэтому и стояли ряды возов между людскими реками. Мешался запах конского навоза с запахом сыров и копченых колбас, и несли над рядами крик птиц и хрип сорвавших голос продавцов. Лились на изгаженную мостовую конская моча и прокисшее вино, и шныряли в плотной толпе воры и продавцы сладостей. Размахивали руками начетчики у деревянного помоста, где сцепились

в схватке на поясах широкоплечие сайды, и звенели шпорами мытари, оглядывая торговцев и выпрашивая ярлыки, да орал озорные куплеты базарный шут, взобравшийся на промасленный столб.

Шум, гам, смех, возмущенные крики обворованных или обманутых, хлопанье крепких ладоней по поводу удачных сделок и похлопывание по плечам знакомых и родственников; звон молотов над наскоро выставленными кузнечными рядами; мычание коров, жалобные крики нерадивых или больных рабов, от которых хозяева пытались избавиться, чтобы не кормить их зря в зимнее полусонье, – кого она могла удивить, последняя ярмарка? Ведь не было уже заезжих купцов с привозными диковинами. Отбыли они с караванами еще полмесяца назад – смотрели прозрачные ткани, сгребли золотые и серебряные безделушки, закупили сосуды с благовониями, замкнули сундуки с магическими шутихами и зловещими амулетами и исчезли. Остались только местные торговцы, которые эту ярмарку наизусть знали, которые не за золотыми в кошельках всесильных танов охотились, а за медью и серебром в кулаках ремесленников да городского отребья.

Всё на последней ярмарке было привычным и для зажиточных и для беднейших жителей всесильного Скира, что, не имея даже крыши над головой, все равно считали себя не ровней иноземцам. Минует полдень, сгустятся сумерки, и останутся от людской толпы только мусор и грязь, что всю ночь будут вывозить городские уборщики, а пока еще ярмарка и до половины не добралась. Аилле только поднялся над городом, едва оживил ярким светом мрачные башни танов, которые были столь высоки, что огромная площадь перед величественным дворцом казалась всего лишь набухшим от людского переизбытка переулком. Не проникает ярмарочный гомон сквозь толстые стены, но если рука, соблазненная теплыми лучами, откроет окно, и в дальние покои вторгнутся шум и гам.

– Синг! – окликнул слугу и помощника Арух, стоя на резном балконе одной из башен дома Ойду, отданной во владение не только посла таинственной, скрытой за непроходимой магической пеленой Суррары, но ныне еще и советника конга.

Ветер охлаждал на такой высоте худое тело колдуна. Кутался Арух в теплый плащ, прятал уши под кошачьей шапкой, а все же не мог согреться. Хорошо еще верный слуга вышколен, без указания поднес кубок с горячим, разогретым с медом цветочным вином.

– Что слышно? – отрывисто спросил, не оборачиваясь, Арух.

– Особых новостей нет, – начал перечислять слуга. – Тан дома Рейду отбыл на юг вместе с сыном и отрядом из полусотни отборных всадников. Тан дома Олли вчера тоже отправился в Дешту на последнюю ярмарку, хочет диковин каких купцам заказать. К нему присоединилась жрица Тини. Остальные таны думают только о предстоящей зимней охоте в предгорьях и о последующих пьянках в залах Скомы – охотничьего замка. Все, кроме Седда.

– Он и раньше не увлекался бессмысленным времяпровождением, – бросил Арух.

– Теперь он увлекся поисками бывшего раба! – Синг позволил себе понизить голос в невидимой усмешке. – Держит слуг на всех городских воротах, но вряд ли позволит себе нарушать законы Скира внутри его стен. Но вот за воротами...

– А этот хромой удалец между тем... – начал Арух.

– ...скрывается в логове Ярига и собирается отправиться на родину, – услужливо продолжил Синг. – Одноглазый обязан хромоте: тан дома Олли дал Яригу вольную, проспорив ставку именно на схватке Зиди. Тот еще был новым рабом дома Креча и неожиданно победил на весеннем празднике. Правда, много лет уже прошло...

– Меня не интересует прошлое раба дома Креча, – оборвал слугу Арух. – А Касс, как я слышал, с лихвой возместил давнюю потерю и опять сделал это с помощью все того же Зиди. Если Седд желает охотиться на бывшего раба, но у него не хватает ума настичь его внутри

городских стен, пусть продолжает забавы вне их. Но не забывай, Синг, что балъ вольную дал конг!

– Твои люди будут следить за хромым, Арух, – прошептал слуга. – Если Седд убьет отпущенного раба, свидетельства об этом будут в твоих руках!

– Не сомневаюсь, – повернулся колдун. – Что еще?

– Мелочи, – поклонился слуга.

– О мелочах бы ты не говорил! – повысил голос Арух. – Не тяни!

– Муравьиный мед, – развел руками слуга. – Кто-то скупил в лавках Скира все запасы муравьиного меда.

– И много ли было этих запасов? – нахмурился Арух.

– У каждого понемногу, но всего набралось на две полные бутылки, – вновь поклонился Синг. – Торговцы выручили за снадобье не меньше десяти золотых, а вот запомнить, кто делал покупки, не смогли. Колдовал покупатель, на память колдовал...

– Это не мелочи! – зло прошипел Арух и раздраженно запустил серебряный бокал в шевелящуюся у подножия башни толпу. – Не раз я тебе повторял Синг: не то страшно, если утром стража найдет на улицах Скира тысячу трупов горожан, порубленных пьяным дозором конга! Страшно, когда найдут один труп, но убийца его останется неизвестен! Так вот, тайное колдовство еще страшнее. Все непонятное – самая большая беда!

– Так нет у нас пока никаких неясностей, кроме убийства палача и муравьиного меда! – попятился слуга.

– А пропажа головы казненного беглого раба на прошлой неделе? – повысил голос Арух. – Или неделя прошла и забыли?

– Собаки! – пролепетал Синг. – Питанных да казенных рабов хозяевам не выдают, да и не просят о том хозяева. Трупы перед сжиганием в яму бросают в тюремном дворе. А там сторожевые собаки кормятся!

– А черепушка куда делась? – резко бросил колдун. – Псы разгрызли? Или с нами начальник тюремной стражи шутки шутит?

– Я докладывал уже, – согнулся Синг. – Начальник тюремной стражи излишне бдителен! Ему чудится, что мясо казенных в тюремное варево попадает. Отсюда и покоя найти не может – перед каждым сжиганием трупы пересчитывает. Тем более что голову и стервятники могли унести. Есть свидетельства, что уносят они иногда части тел. Еще летом поступала жалоба от тана дома Сольча: птица уронила во двор руку, отрубленную по локоть. Его танка чуть с ума не сошла от ужаса. Тогда еще конг приказал лучников на сторожевых башнях поставить. Только ведь всех птиц не перестреляешь...

– Не то что-то! – нахмурился Арух. – Собаки, птицы... Поверь мне, Синг, не все ладно в городе. Голова раба, палач, муравьиный мед... Он, конечно, от гнили в ранах спасает, только ведь такого количества не на одну битву хватит. Ищи, Синг! Бери лучших магов с моего двора – Тируха, Смиголя, Айру – все узнай, все вынюхай! Что за морок на торговцев снадобьями наведен? Отчего палач сталью подавился? Я понимаю, друзей у него было не слишком много, не то ремесло выбрал, но недруги счеты ночами да в укромных местах сводят! Или у нас полгорода умельцев, что могут белым днем посреди людной улицы так нож бросить, что ни одного свидетеля не окажется? И мед найди! Всех лекарей городских перетряси, всех бабок и ворожей, но чтобы знал, куда он делся и кому понадобился. И еще одно...

– Что, досточтимый Арух? – изогнулся слуга.

– Шута ярмарочного схватить. – Колдун повернулся к площади. – Да-да, того, что на столбе сидит и непотребство всякое выкрикивает. Схватить, отсыпать ему сотню плетей и отпустить. Пусть посмотрят вольные сайды, как длинный язык на собственную спину может захлестывать!

Глава четвертая

Недолго висел Аилле над головой, покатился к западу, нанизал себя на танские башни. Еще немного, и коснется холодных вод, утонет в море, и опустится над Скиром последняя веселая ночь, когда закутанные в платки сайдки выходят искать на замусоренных холодных улицах пьяных мужей, сыновей и братьев, а заботливые рабы – загулявших хозяев. Вот и осень подошла к холодному и сырому краю. Скоро завесившую Скир мутным пологом сырость сменяет снег и морозец. И так что-то пожадничал в этом году со снегом месяц ветрень, а в спину ему уж снежень стучится. А пока переулки едва начала затягивать густая тень, самое время прошмыгнуть по опустевшим улицам к воротам города и распрощаться с ним навсегда.

Еще в полдень укатил к городским воротам на повозке, запряженной престарелой лошадей, сын Ярига. Пришла пора и Зиди прощаться со Скиром. Занес уже было он здоровую ногу, чтобы поставить ее в стремя, как почувствовал прикосновение. Замер хромой воин – ни меча за спиной, ни кинжала на поясе, только мех с крепким вином за пазухой, да нож в сапоге. Но разве согнешься, стоя на больной ноге? Почему же он не услышал шагов? Да и кто мог пробраться в закрытый двор, если Яриговы молодцы и собаку бродячую к поварской не пропустят?

Зиди медленно обернулся.

Две женские фигуры, закутанные в неприметные серые плащи, стояли у него за спиной. Та, что выше и крупнее, стянула сетку платка со лба на губы, блеснула кольцом рабыни в левой ноздре, собрала в морщинки смуглый лоб, поклонилась Зиди как вольному сайду и прошептала чуть слышно:

– Разговор у меня к тебе, баль. Короткий, но важный.

Зиди раздраженно сплюнул. Голова трещала с утра. Мало того, что похмелиться не решился, но ни разговаривать ни с кем, ни быть узанным вплоть до прохода мимо стражи у крепостных ворот в этот день он уже не собирался, поэтому не спросил, а прошипел сквозь зубы:

– Как нашла меня? Кто ты?

– Значит, «как нашла» интересуется тебя больше, чем, кто я? – усмехнулась рабыня. – Так и нашла. Не я. В городе зорких много, но некоторые видят лучше зорких и слышат лучше тех, кто прислушивается. Не ухом, не глазами, а все одно разглядывают в подробностях. Вот как хозяйка моя. Она и дорогу сюда открыла. Ты на охранников Ярига досады не держи, не могли они нас разглядеть. Сам Яриг смог бы, он с магией в ладах, но он на ярмарке теперь – пока пару возов снедью не загрузит, не вернется.

– Кто вы? – остановил рукой рабыню Зиди.

– Это вопрос главный, – кивнула она. – Только ответа я тебе на него не дам. Я рабыня, за спиной у меня вольная сайдка. Ни рода ее, ни имени тебе знать не следует. Не из-за скромности, сам знаешь: слетит слово с губ, и ты уже не властен над ним. Помощи пришли мы у тебя просить.

– Кто ж в волчьем логове помощи у зайца просит? – Зиди раздраженно окинул взглядом глухие стены двора. Неужели и вправду обманули стражу трактира незнакомки?

– Ты ведь домой собрался? – понизила голос рабыня. – Доведи мою хозяйку до Дешты. Баль на юге и Дешта на юге. Сам знаешь: хоть дорога и через земли сайдов идет, а всякое может случиться. Да и не должна женщина одна путешествовать. Первый же дозор ее схватит.

– Зачем же ей одной путешествовать? – не понял Зиди. – Если она бедна, неужели нет у нее отца, брата, дяди? Матери, наконец, которая по возрасту уже может не прятать лицо. А если богата, почему бы не нанять охрану?

– Вот она и нанимает, – склонила голову рабыня. – Тебя нанимает, Зиди. За хорошую оплату. Тридцать золотых тебе даст. Пятнадцать теперь, пятнадцать в Деште.

Замолчал Зиди. Даже ушанку из витого шнура вязанную на лоб сдвинул. Неделью о том голову ломал, понимал, что с горстью медяков даже до границы Скира не доберется. Понимал, что с больной ногой ни лошадь хорошую украсть не сможет, ни в предгорьях скрыться. Что без меча за спиной, без лука с запасом стрел станет легкой добычей для первого же лихого молодца на пути. Только очень не любил баль, когда не сам он планы менял, а вынуждал его кто-то к этому. Хотя ему ли после почти восемнадцати лет рабской доли о чужой воле сожалеть? Да и сможет ли хоть кто покуситься теперь на его волю? Жизнь отобрать – да, а свободу – нет.

– От кого же она убегает, если готова засыпать золотом дорогу до Дешты? – нахмурился Зиди. – И почему ко мне обратилась?

– Ты хороший воин, – ответила рабыня. – К тому же ты баль. У вас жены не рабы мужьям.

– От мужа, значит, бежит? – понимающе протянул Зиди. – В Деште прятаться собралась? Или с купцами на запад податься? Так ее же там в рабство и продадут, стоит только на десяток лиг от Дешты отъехать! Никуда она не денется. Весь Скир, да и окрестные земли для нее выжженными станут. Семья мужа за честь посчитает поймать ее, да кожу с живой содрать! Собственная семья, чтобы позора избежать, камнями ее забросает... Я смотрю, женщина, ты сошла с ума вместе с хозяйкой? А золотой колпак надеть мне на голову да предложить пройти голышом через логово разбойников вам в голову не приходило?

– Пятьдесят золотых и все дорожные расходы на тебе, – сузила глаза рабыня. – Двадцать пять теперь, двадцать пять в Деште. Воины Седда Креча на всех воротах стоят. Он крови твоей хочет, Зиди. Выйдешь за ворота, ни одной ночи спокойно уснуть не сможешь. Если они сумели Эмучи из земли баль выкрасть, то уж ты для них занозой в ладони не станешь. Или думаешь, что только моя хозяйка смогла тебя в Скире разыскать? Или что тан дома Рейду благодарен тебе за убийство Салиса, на котором Ролл мог заработать не одну сотню монет? Знаешь, сколько он потерял?

– Зато ты, я вижу, знаешь! – скрипнул зубами Зиди. – Если все так плохо, лучше уж твоей вольной сайдке долю выпавшую перетерпеть, чем со мной в поход. Мне ж не по дороге идти придется, а болотами да чащами пробираться! Может быть, другого проводника ей поискать?

– Нет другого проводника! – горько прошептала рабыня. – Или ты обычаи сайдов не знаешь? Лихих воинов в Скире хватает, падких на деньги еще больше, только нет им веры. Не торопись отказываться, прислушайся к голосу собственной судьбы. Тебе же все одно тайно на юг идти придется, а лазутчик из тебя с больной ногой – никакой. Хозяйка же моя хоть и молода еще, но магии кое-какой обучена. Она дорогу в этот двор нам торила и тебе поможет в пути, не сомневайся. Оказия выпадет, и ногу твою подлечит. А что касается бегства от мужа... не замужем она. Не твое это дело, но скажу. Старику ее хотят отдать, по рукам уже опекун ее с будущим мужем ударили, но обряд не совершили. А в Деште у нее тетка. Переждет, пока тут все утихнет, а там видно будет.

– Не хочет, выходит, замуж за старика, – плюнул с досадой Зиди. – Так сильно не хочет, что готова дерьма нахлебаться досыта? А не замешан ли тут молодой да красивый сайд?

Ничего не сказала рабыня, только побледнела, а хозяйка ее как замерла недвижимо в начале разговора, так и стояла. Долго молчание длилось, уже и конь Ярига начал недоуменно оглядываться, когда наклонился Зиди, потер больное колено, буркнул недовольно:

– Дорога, она дорога и есть. Особенно если без дороги идти придется, скрываться да прятаться. В рубище переодеваться, в болоте в грязь ничком падать, сквозь заросли иччи, что кожу как ветхую ткань рвут, продираться. Не испугается?

Шевельнулась едва заметно хрупкая тень. Промолчала рабыня.

– Через ворота как ее выведу? Через ласский мост как пройду? Через Омасс, Борку? Что я говорить дозорам стану, если не разминусь с ними? Как страже Дешты представляться буду? – продолжал баль.

– Вот. – Рабыня протянула ему медный ярлык. – На твое имя сделка оформлена. Говорить страже будешь, что на ярмарке ее купил.

– Без меня уже все решили? – стиснул зубы Зиди. – У баль нет рабов!

– Так она и не рабыня тебе, – усмехнулась женщина. – Да и ты, пока из скирских земель не выбрался, не сын баль, а бродяга, в которого всякий сайд за честь сочтет грязью бросить. Этот ярлык стоит не дороже плаща Ярига и его лошади. Придете в Дешту, выбросишь его. Вот кольцо.

Рабыня подняла руку, вытащила из ноздри знак рабства, вложила его в ладонь Зиди, звякнув о ярлык.

– Вот ее вещи. – На камень у ног воина лег узелок. – Вот деньги.

Рабыня держала туго набитый кошель в руке, но не протягивала его Зиди, смотрела испытующе. И фигура у нее за спиной застыла, словно заledenела.

– Плохи ваши дела, я вижу, если к бывшему рабу обращаетесь, – поморщился баль. Не глядя на кошель, нагнулся, поднял легкую поклажу, распустил веревку, сунул узелок в один из двух мешков, притороченных к седлу. – А если понимаете, что когда в меня грязью бросаться будут и попутчицу мою забрызгают, совсем плохие. А ну как стрелы в меня полетят?

– Ты в кости широк, – без тени улыбки прошептала рабыня. – Прикроешь ее.

Снова раздраженно сплюнул на камень Зиди, поиграл желваками на скулах, выдавил нехотя:

– Не скрою, деньги мне нужны. Только отчего верите мне?

– Видели тебя на арене, – выдохнула рабыня, стиснув кошелечек так, что пальцы побелели. – Хозяйка сказала, что нет в тебе грязи. Дури много, а грязи нет. Она видит. А уж смелости тебе тем более не занимать.

– Откуда она знает? Может быть, мне от страха едва и здоровая нога не отказала? – поморщился Зиди. – Дури много... Может быть, я перед выходом на арену два дня пил, чтобы недостаток смелости дурью заменить? А не боится, что сейчас грязи во мне нет, а при нужде появится? Не боится, что отъеду я подальше от крепостных ворот, да головенку набок ей сверну? Что мне напрягаться до Дешты, если деньги у нее с собой?

– Поклянись! – потребовала рабыня.

– Слова, они слова и есть, – усмехнулся баль.

– Алтарем Исс поклянись! – покачала головой рабыня.

Запнулся Зиди. Окинул беспомощным взглядом пустой двор, скользнул глазами по тяжелым облакам, затянувшим небо. Темной ночь будет. Ни звезды над головой, даже полная Селенга не пробьет ночным лучом тучи. Откуда они свалились ему на голову? Хозяйка эта щуплая, рабыня со знакомым разрезом глаз. Из корептов, что ли? Знает она, все про баль знает!

– За ярлык вольной стараешься? – спросил в лоб.

– За него, – кивнула рабыня. – Да и не делала хозяйка мне зла.

– Что ж, – нахмурился Зиди, вставил ногу в стремя, тяжело поднялся в седло. – Нанимаюсь я к твоей хозяйке. Только если опасность какая, не она, а я приказывать буду! И чтобы слушалась тогда меня беспрекословно! Не ради прихоти говорю, а чтобы жива осталась. Если ты баль знаешь, то беспокоиться о хозяйке не будешь.

– Клятву! – потребовала рабыня, стиснув в протянутой руке кошель.

Поклялся Зиди. Выпрямился в седле, приложил ладони к щекам и произнес положенные слова. Странно они прозвучали близ скирской гавани, в сердце проклятой баль земли. Странно, но правильно. Озноб пробежал по плечам Зиди, в сердце закололо. Вот и повязал себя страшным обязательством! Теперь, если не выполнит обет, и самому жизни не будет. Не много ли обетов для одного старого воина?

– До конца пути оберегать будешь? – переспросила рабыня.

– До конца, – кивнул Зиди, пряча пойманный кошель за пазуху. – Пока не отпустит. Пока в безопасности твоя хозяйка не окажется, оберегать буду. Если узнаешь, что не уберег, значит, погиб я, не сомневайся. И на конец пути не загадывай, он ведь и не в Деште может случиться. А ну как тетка ее куда отправится? Может быть, дорога чуть короче или чуть длиннее окажется. Как даст она мне знать, что выполнил я работу, так и расстанемся. Подумает пусть только... в последний раз. Вернуться-то уж не удастся! Дороги мне назад нет!

– Так и ей тоже, – кивнула рабыня.

– Что ж, – нахмурился Зиди. – Я клятву не забуду. Но и хозяйка твоя пусть о договоре помнит. В тайне хочет имя оставить? Я буду звать ее Рич. По-бальски это значит «дочь». Пусть она подойдет.

– А была ли у тебя когда-нибудь дочь? – потемнела лицом рабыня.

– Считаю, что до Дешты она у меня есть, даже если и решит немного покомандовать названным отцом, – усмехнулся баль и повернулся к тонкой фигурке, замершей у крупа коня: – Открой лицо, Рич, а не то перепутаю тебя с кем-нибудь в толпе.

Замерла рабыня, поднесла ладони к лицу, стиснула кулаки, зажмурилась, словно не к хозяйке ее, а к ней самой обратился Зиди. Не принято у молодых сайдок показывать лицо мужчинам. Все равно что раздеться донага – лицо показать. Позор не смоешь, но и увидевшему жизни не будет, если родственники прознают. Только, видно, и впрямь отчаялась знатная сайдка. Мелькнули черными птицами быстрые ладони в тонких перчатках. Упал платок. Разбежались по плечам густые темные волосы. Темноваты что-то для сайдки. Не стянуты узлом – значит, не обманули, девчонка еще. Вновь взлетела одна из черных птиц, и пальцы откинули прядь со лба.

Зиди застыл в седле. Язык прилип к гортани у старого воина. Никогда в жизни не видел он такой красоты. Ни губ, ни кожи, ни линий удивительного лица не мог рассмотреть – утонул в глазах. Голоса лишился.

– Забирайся на лошадь позади меня да держись крепче, – с трудом выдавил баль, когда незнакомка вновь набросила платок на голову.

Не забралась она на лошадь, взлетела. Юркнула ловким зверьком на круп, обхватила тонкими руками воина за бока, захлестнула ноздри нежным запахом, прижалась к спине упругой грудью. Только не о дивных прелестях молодости подумал Зиди. Зубами заскрипел от боли в едва начавшей заживать спине. Обернулся к рабыне, не скрывающей слез:

– Рабы от хозяев плачут, а не за них. Утри слезы!

– Не рабыня я уже! – Женщина даже не подняла рук. – И не о доле рабской плачу. С девчонкой прощаюсь! Я ж ее с колыбели нянчила. Как дочь она мне!..

– Ну вот, дубиной по голым ребрам! – вполголоса выругался Зиди. – Надели на путника золотой колпак и тут же оплакивать начали. Так ведь не путника, а колпак жалеют!

Стражники в воротах Зиди проверкой не удостоили. Старший только скользнул взглядом по двум биркам в кулаке баль – деревянной вольной и медной рабской – и махнул рукой: проезжайте. Решетка главных ворот с полудня не опускалась – вереница пеших и колесных торговцев пусть и поредела изрядно, но и теперь еще продолжала разматываться в предвечернюю дымку. Не обратила внимания на отпущенного раба стража, только Зиди все заметил. И силуэт бегущей лошади – знак дома Рейду на кованых нагрудниках, и цепкий взгляд старшего, скользнувший по мешкам, поясу без оружия и хорошей лошади, и такой же взгляд его напарника, пробежавший по тонкой фигурке на крупе. Не смотрят так сайды на чужих женщин. За такой взгляд можно и плетью глаз вышибить. Вот только во всякой схватке, тем более со стражником Скира, виноватым всегда пришлый окажется, а уж заковать бывшего раба в прежний ошейник – нечего делать. Стерпел Зиди. Лицом потемнел, но стерпел. Отметил только про

себя: торговца сладостями, что хрипло выкрикивал у ворот положенные призывы, как ветром сдуло. В то же мгновение, как он лицо баль рассмотрел. Вот он, вестничек, слетел с жердочки!

– Меч мне нужен и лук, – чуть слышно пробормотал Зиди, проезжая под надвратной башней, – и кольчужка, хоть плохонькая, не помешала бы.

Для себя бормотал, а все одно почувствовал на мгновение, как тонкие руки сильнее обхватили бока, прижалось крепче юное тело.

А за воротами торопился вечер. Порожние крестьянские возы съезжали с городского холма, гремели по бревнам моста, тянулись по прибитой холодным дождем грунтовке, не поднимая пыль, а размешивая мерзлую грязь. Справа, начиная от дозорных башен, тянулось неровными проплешинами выкошенное жнивье, островками торчали закутанные в солому ягодники, серели в сумраке стянутые жердями стога. Слева лежала кочковатая луговина.

Зиди оглянулся, еще раз вдохнул нежный запах попутчицы, что исходил от нее как свет от ночной лампы, пригляделся к освещенным последними лучами Аилле башням танов, спицами торчащими над величественным городом, отпустил неслышное проклятие с губ и ударил пятками в бока коня. И побежала, понеслась под копыта повядшая придорожная трава. На востоке в паре лиг темной лентой начал разматываться лес, над ним поплыли белые с розовым вершины пока еще близких гор. С запада поля обрывались в море. Только и оно уже готовилось спрятаться за холмами и деревьями.

Была бы воля, хватанул бы плеткой по крупу и гнал бы, пока лошадь в пыль не повалится. Ласский мост проскочил бы, пока вестники дома Креча или дома Рейду до постов доберутся, поменял бы лошадь, до Омасса домчался. Потом и Борку миновал бы, а там уж – рощами да перелесками пешком. Пусть попробуют отыскать преследователи бальского охотника! Какого там охотника, калеку седого! Отыщут, как нечего делать, отыщут. Эмучи-то отыскиали? Или он и не прятался?..

Деревенька открылась за первым же косогором, за ней шумел постоянный двор. Конь только разогрелся, когда Зиди, придерживав повод, направил его между плетеными изгородами, над которыми возвышались крытые дерном кровли приземистых хижин. Скрип колес, топот лошадей, утомленная ругань возчиков, которые торопились к близкой площади и уличным жаровням огромного постоянного двора, остались в стороне. Конг не разрешал торговцам задерживаться в городе на ночь, оттого и образовалась в лиге от древних стен стоянка для купцов и мелких торговцев, поднялись бесчисленные шатры и палатки, которые, впрочем, хозяева начнут складывать уже завтра. До будущей весны их ведь еще и зачинить надо, некоторые новыми заменить.

Только утреннее дело делается утром, а пока можно послушать тягучие сайдские песни, которые разносятся на многие лиги, полюбоваться на древний танец, когда дюжина или две большеруких крестьян и рыбаков сходятся в круг и, развернувшись внушительными животами наружу, выкидывают такие коленца ногами, что иноземцы лишь головами качают. Впрочем, какие теперь иноземцы? Еще две недели назад торговцы ушли в Дешту. А других чужаков в Скире и не бывает никогда. Один вот только Зиди – иноземец, а многочисленные рабы Скира словно вовсе не люди.

Старый воин, стараясь не коснуться попутчицы, неловко сполз с коня, подхватил повод и, приминая колючий бурьян, уже в темноте вывел всадницу к раскидистому дереву. В каких-то двух-трех сотнях локтей темнела громада постоянного двора, горели костры, ржали лошади, звучали песни и гремели бубны. Но звуки словно теряли силу в полосе непролазного кустарника, и у дерева царил тишина.

– Майчу, – донесся с коня нежный голос, и Зиди вновь застыл столбом, как тогда, когда первый раз увидел лицо спутницы. – Дерево снов.

– Знаю, – рассердился на себя за неловкость баль. – Я предупредил Яригова отпрыска, чтобы сразу, как подъедет, сгрыз пару листков, не то уснет.

– Вот он и спит, – усмехнулась Рич.

– Соль ему в семя! – пробурчал Зиди, раздвигая бурьян.

В темноте лениво обрывала ветви запряженная в узкую телегу дряхлая лошадь. В телеге спал молодой безусый Яриг, ни одной чертой не напоминающий собственного отца. Одноглазый, хоть и возраст имел, судя по всему, немалый, ни складки на лице не заработал, разве только тонкие морщинки на висках и у губ. А сын его вряд ли собственную молодость за хвост ухватит. Парень крепкий, конечно, и голова у него на месте, да вот работает она не постоянно, а с перерывами. Может быть, слишком широкие щеки молодой Яриг наел?

Зиди вздохнул, прижал ладонью немудрящий кинжал на поясе парня, второй рукой нащупал подбородок, запустил каменные пальцы под челюсть и сильно нажал. Парень мгновенно проснулся, дернулся, но не закричал. Все та же широкая ладонь крепко запечатала рот, да и вторая не позволила кинжал выхватить.

– Тихо, – прошептал баль, хотя про себя выругал сына трактирщика самыми крепкими словечками. Не пошла наука впрок. Что толку, что научился ножом или кинжалом владеть, если ума не хватает слушать и запоминать? Хорошо еще хоть местом не ошибся.

– Тихо! – внушительно повторил уже почти в полной темноте Зиди и отпустил парня.

Тот облегченно выдохнул, спрыгнул с жалобно скрипнувшей телеги и радостно поймал повод коня.

– Держи, – протянул ему Зиди халат Ярига. – А вот и монетка, как договаривались. Как обратно будешь добираться?

– А чего тут добираться? – не понял сын трактирщика, натягивая халат и торопливо карабкаясь в седло. – Тут рядом, я мигом!

– Можно и мигом, если жизнь не дорога, – кивнул Зиди, поеживаясь от стылого вечернего воздуха и снимая мешки с коня. И прошептал озадаченно свесившемуся из седла парню: – К западным воротам правь, и не трактом, а овощным проселком. Западные ворота запирают на ночь: постучишь, пару медяков бросишь, – откроют, не обеднеешь. На тракте искать меня будут. На твоей лошади и в твоём халате – именно такого и будут искать. Не для разговора. Чтобы убить. Понятно?

– Понятно, – испуганно прошептал сын трактирщика и неловко послал лошадь через бурьян.

– Я здесь, – с заметной усмешкой прошептала в темноте Рич.

– Слышу, – недовольно буркнул Зиди.

Ведь тенью с седла слетела – он, бальский охотник, ни звука не услышал! Впрочем, опять он за старое! Какой он теперь бальский охотник? Калека и больше никто. Вот только рука то и дело рукоять меча ищет. Или мех с вином?..

– Оружие есть? – спросил Зиди, оглянувшись на пышущие искрами костры.

– Поделиться с тобой, баль? – уже с другой стороны прошептала Рич. – Или не почувствовал, каким оружием я к тебе прижималась?

«Вот ведь выторговал попутчицу на свою голову! Какое у тебя может быть оружие? Кинжальчик с ореховой рукояткой для вытаскивания косточек из фруктов или стилетик для заколки волос?» – раздраженно подумал Зиди.

– А у меня вот нет. Поедем дальше на этой телеге. Воняет слегка, потому что кожа на телеге чуть подпорчена, но придется знатной сайдке потерпеть!

– Ты думаешь, от тебя лучше пахнет? – мгновенно ответила Рич.

«Шило вместо языка!» – оторопел старый воин, но вслух другое сказал:

– Ничего. Надеюсь, эта вонь не привлечет врага, а отпугнет. Садись на телегу, да возьми одеяло, на котором этот недоумок спал, закутайся.

Тень молча скользнула к повозке.

– Да, – добавил Зиди, ухватив лошадь под уздцы. – Там, в мешке, лепешки. До утра перекусить не удастся, так что ешь.

Есть Рич не стала. Закутавшись в кусок ветхой ткани, который у зажиточного сайда и язык не повернулся бы одеялом назвать, она легла на дно телеги и затихла.

«И то ладно», – подумал баль, ведя лошадь по спящей деревне. Будь он один, сейчас завернул бы к постоялому двору, смешался с толпой, а там или сменил лошадь, или телегу. Одеждой бы разжился, чтобы вовсе не отличаться от перетерпевшего летнюю крестьянскую долю сайда. Только с девчонкой о постоянных дворах пока придется забыть. Как бы с дорогой не пришлось распрощаться! Хотя банька все же не помешала бы. Пусть не сайдская каменка, а земляная яма, травой выстланная, как в бальском лесу. Впрочем, до баньки ли теперь? Снег того и гляди выпадет!

За плетеным забором приглушенно заворчала собака, но Зиди, приложив палец к губам, негромко свистнул, пробормотал присказку, которую еще в родной деревне вдолбил ему в голову старик колдун, и с усилием вытащил из земли кол. Изгородь вздрогнула, но устояла. «Вот чем тебе пока сражаться придется», – мелькнула в голове невеселая мысль. Деревянный-то меч не просто так пришлось на арене оставить, обвинил бы тан Креча бывшего раба в краже. Да и к чему теперь Зиди деревянный меч? Он против дурака годен, а в схватке с настоящим воином не всегда и стальной поможет. Что касается ошейника с клеймом дома Креча, хоть на камни его бросай, хоть на ворота вешай – все равно не простил бы Седд бывшего раба. Не таков он, самый гордый тан в Скире.

Зиди положил кол в телегу, мельком глянул на свернувшуюся полумесяцем тень, поднял глаза к небу. Облака ползли темной пеленой, скрывая и звезды и голубой диск осенней Селенги, но на западе не до конца растаяла полоса заката, и ночь еще не стала кромешной. По тракту тащились последние подводы, шелкали бичи, всхрапывали лошади, подгоняемые проголодавшимися хозяевами. Баль присел на край телеги, вытянул по спине вожжами обидевшуюся лошадь и влился в редкий поток.

Стражники настигли повозку ближе к утру, когда и небо и дорога вновь из черных стали серыми. Только придорожные кусты да приблизившийся лес упорно сдерживали ветвями лоскуты ночи. Аилле еще только собирался выползти из-за гор, когда за спиной раздался стук копыт.

«Не успели», – подумал Зиди, бросив взгляд на лес. Конечно, не бальские чащи, но все равно лес – знакомый, родной, готовый скрыть и защитить. Пятюк лиг не дошли, можно было бы раньше свернуть на неровный, заросший бурьяном луг, сократить путь, но к утру лошадь и по ровной-то дороге едва тащила повозку. Правильно сказал Яриг, за каждым поворотом будет старое животное смерть выглядывать. Только нет на этой дороге поворотов, до Ласса почти сотню лиг тракт идет прямо до переправы через своенравный Даж. Все дороги там сходятся, никто из путников Ласс не минует. Там враг должен был ждать Зиди. Впрочем, сколько теперь у него врагов? И двух десятков лиг за ночь не прошли, а вот уже первая стычка. Или обойдется?..

Не обошлось. Три всадника настигали одинокую повозку. Что такое двадцать лиг крепким коням? И три раза по двадцать способны пройти за день, а если гнать не жалеючи, и до Ласса к вечеру доберутся. Только зачем гнать, если вот она, добыча? Или не признают?

– Рич! – позвал Зиди негромко.

– Что, баль? – донесся насмешливый голос. – Не отпугнул твой запах погоню? Или именно по запаху и отыскивали нас?

– Лежи, не шевелись! – зло бросил Зиди.

Баль натянул на уши колпак, поднял воротник нищенского халата, оглянулся на неподвижный силуэт Рич под ветхой тканью, всадников разглядел. Трое. Первым торопил коня старший дозора, что у ворот взмахом руки дал проезд Зиди, за ним следовали еще двое. Один

из них тот юнец, который обжигал взглядом Рич, другой постарше. Он единственный руку на рукояти меча держал. «Этот самый опасный», – решил про себя Зиди.

– Как сквозь землю провалился! – еще издали послышался недовольный голос молодого. – Всю ночь верхом, до костей продрог! Я ж говорил, что повозка это. Следы того коня еще у постоялого двора исчезли!

– Ничего, – отрывисто бросил старший. – Наше дело тракт проверить, да Роллу доложить. Тан в Лассе ждать будет, дальше Скочи не двинется, пока кишки баль наружу не выпустит.

– Так нам его что, живым брать? – возмутился молодой.

– Свою жизнь береги, дурак! – процедил третий стражник, придерживая коня.

– Отчего шапку вонючую с головы не дерешь, урод? – прогремел голос старшего. – Или давно в упряжи вместо коня не ходил? Сейчас попробуешь! Сам телегу потащишь!

Скрипнула цепь, булава взлетела и обрушилась на голову еле живой лошади. Подогнулись узловые ноги. Только и успела выдохнуть коняга, повалилась в пыль. Оглобли уперлись в землю, телега закрипела, перекосилась и замерла. «Вот и добрались», – отстраненно и холодно подумал Зиди. Давно он не испытывал этого чувства. Словно не с ним все происходит, а с кем-то другим, а он только наблюдает из укрытия, как время песчинками из ладони сыплется. А когда-то это ощущение уже с кожей срастаться начало, пока не почувствовал, что надолго его не хватит, и сам не подставил колено под скользящий удар секиры. Думал, что все, наглотался холода – так нет же, все вернулось! Сначала обожгло на арене, когда вышел против обезумевшего от крови дикаря, и вот опять...

– Эй! – радостно воскликнул спрыгнувший с коня юнец. – Да у него тут...

С тем и замолчал навсегда. Откинул ветхую ткань, уперся мелким взглядом в бездонные глаза, да так и застыл на короткое мгновение, пока летела быстрая кисть со стальным жалом к открытому горлу. Дозорный, что подъехал к Зиди, чтобы сдернуть колпак с непокорного или глухого крестьянина, повернул голову к молодому и поплатился. Булава-то на ременной петле висела, кисть захлестывала, чтобы не выскользнуло оружие после удара. Оно и не выскользнуло. Выдернуло хозяина из седла, когда сомкнулись бальские пальцы на короткой цепи. А там уже короткий нож нашел прореху в нагруднике и кольчуге, точнее пробил их широким лезвием. Дрянная сталь – такая и от стрелы не уберезет, а уж от крепкого удара никакой защиты не даст. Третий стражник выдернул меч, да только сразу же коня разворачивать стал. Оттого, видно, и дожид до седин, что запах смерти всегда загодя чуял. И в этот раз чутье его хоть не обмануло, да не спасло. Полетел вслед деревянный кол, подшиб коню задние ноги, завалил его на бок. Знал бы воин, как баль на оленей охотятся, чтобы шкуру зверю не портить, медленно бы отступал, прикрыл бы лошадиные ноги мечом и не хрипел теперь, пытаясь сапог из стремени вытащить. Зиди не торопясь подошел к воину, поднял кол, дождался, когда тот вскочит на ноги, оставив один сапог под крупом бьющего по пыли передними ногами коня, отвел в сторону отчаянный взмах меча и одним ударом проломил седому голову. «Не тот это противник! – усмехнулся про себя баль и себя же укорил: – Подожди, Зиди, и тот не заставит себя ждать!» Рано, слишком рано пришлось пролить кровь. А девчонка-то не сплеховала! Стилет короткий, на две ладони поперек, но не для забавы выкован, боевой!

– Лошади! – обернулся Зиди и тут же начал стягивать с плеч крестьянское платье, чтобы переодеться.

Предупредить хотел, чтобы лошадей поймала, а Рич уже и так стояла возле телеги, удерживала под уздцы обеих коней.

«Вот так и надо на нее смотреть, издали, – подумал Зиди. – Чтобы в глазах ее не тонуть».

Едва Аилле поднялся над горами, как путников на дороге уже не было. Телега осталась с грузом вонючих кож, лошадь, то ли убитая, то ли собственной смертью умершая, потому как припорошила пыль отметину на кауrom лбу, да труп на телеге в платье, что Зиди с себя

снял. Баль намотал вожжи на скрюченные судорогой пальцы, да, поморщившись, приложился булавой по мертвому лицу, чтобы товарищи седого стражника не узнали. Всего и осталось, что погрузить тела на одну лошадь, а добитую ударом кола третью привязать к упряжи второй. Отвел их Зиди с дороги в сторону, оставил у придорожного куста, вернулся к повозке, тяжело опустился на здоровое колено и принялся из пыли комки крови выбирать да в грязную траву отбрасывать. Рич, с которой он с утра и словом не перемолвился, приложила пальцы к вискам, махнула рукой в сторону уже невидимого моря, сказала негромко:

– Дождь.

И то верно: напоздали, клубились тучи навстречу поднимающемуся Аилле. Значит, о следах можно не беспокоиться. Жаль только промокнуть придется, выдержит ли тонкое существо холод и сырость?

Зиди захрустел сапогами по подмороженной с утра траве, махнул рукой в сторону леса и протянул девчонке снятый с командира стражников теплый плащ. Взяла молча, утвердительно опустив черные ресницы. Легко забралась на коня, что тащил мертвое, освобожденное от упряжи животное, закуталась в плащ, посмотрела на Зиди выжидающе, но с насмешкой.

– В лес придется уходить, такое дело, – то ли ей, то ли самому себе объяснил баль. – Это воины из дома Рейду были. Может быть, пока до Ласса доберемся, их еще не хватятся? Только не один тан дома Рейду хочет моей крови, другие враги еще опаснее будут. Я уж не говорю о тех, которые на твои поиски бросятся.

«А ведь бросятся! – подумал Зиди. – Неужели смирятся с потерей такой красоты?»

Рич никак не ответила на его слова.

– Значит, так, – продолжил старый воин. – Коня убитого оттащим за косогор, найдем место, где бурьян гуще, и бросим. Трупы же придется прятать в лесу, а до него еще пара лиг. Надо трогаться, скоро повозки на дороге появятся, как бы не заметили нас.

И вновь она даже не кивнула в ответ.

– Пошли тогда. – Зиди взял под уздцы сразу обеих лошадей, неслышно проклиная себя последними словами:

«Вот ведь болтун! Всегда болтуном был и болтуном умру!»

Глава пятая

Вечером этого же дня Синг, угодливо изгибаясь, докладывал Аруху новости:

– Муравьиного меда в Скире нет! Тирух весь город облазил, и на поиск снадобья колдовал, и след чужой магии распутывал. Может быть, лазутчики баль мед скупили? Или корепты? И тем и другим ведь будущей весной жарко придется!

– Не поможет им муравьиный мед! – Колдун недовольно поднял голову от блюда, наполненного кусками печеного мяса. – А ты, если бы умнее был, уж вызнал бы, что муравьиный мед мы у баль когда-то и покупали! Он баль не нужен, у них этого добра в достатке должно быть... пока. Вот когда поймешь, зачем и кому это снадобье понадобилось, тогда и сам мед разыщешь. Поручи это Смиголю, он из младших больше других любит в манускриптах копаться. Что с тюрьмой?

– С тюрьмой кое-что разъяснилось, – зачастил Синг. – Оказалось, что палач тот, которому неизвестный нож в горло метнул, в самом деле был замечен в том, что бросал в тюремное варево человеческое мясо. Приворовывал, вот так недостачу и восполнял. Ты его знаешь, досточтимый Арух, он... помогал тебе с Эмучи. Только причин для беспокойства у начальника тюремной стражи не было, тюремная прислуга из другого котла питается.

– Значит, не только начальника тюремной стражи это беспокоило, – задумался Арух. – А ведь палач этот умельцем был в ремесле, не скрою. Приворовывал – значит, и жалеть его нечего! Вот только убит он так... Неплохо было бы выяснить, откуда такие метальщики ножей в городе. Или метальщик? Проверь для начала родственников и друзей узников. При необходимости Ярига потряси. Он постоянно в дерьме варится, может, что и визнает. Такой мастер должен или служить конгу, или ехать мертвым в Суйку. Кстати, что там с Зиди? Он ведь вчера выбрался из города?

– Выбрался, – вздохнул Синг. – Яриг доложил вовремя. Кстати, баль, кажется, соскучился по женской ласке, судя по всему, рабыню прикупил. Айра вела их след до постоянного двора, а там он словно растворился.

– Как это растворился?! – не понял Арух. – Да еще вместе с рабыней? Чтобы Айра след потеряла? Не поверю!

– Дождь, – с сожалением причмокнул Синг. – Предзимние дожди жестко хлещут. Айра говорит, что вроде бы и магия была, но не уверена. Если только наговор какой легкий деревенский от пригляда. Правда, и без происшествий на тракте не обошлось. Ночью какого-то крестьянина на дороге убили. Может, и ограбили к тому же. Да трое стражников дома Рейду пропали.

– Ты теперь мне о смерти каждого бродяги будешь докладывать? – нахмурился колдун, бросая в камин обглоданную кость. – Обратись к сотнику Ирунга, его сыновья испытание проходят – значит, во время последней охоты его стражники должны охранять тракт от Скира до Ласса. Подскажи ему мягко, что было бы неплохо пустить по следу собак. Впрочем, если Айра след не взяла, и собаки не помогут. А стражники Ролла явно вдогонку за баль отправились. Седд еще не послал своих?

– Пока нет, но об уходе Зиди из города знает.

– Следите за ним, – задумчиво пробормотал Арух. – Ой, что-то не складываются у меня все эти штрихи в орнамент! Не забывай о муравьином меде, Синг. Да, Тирух магию на торговцев наведенную распутывал, удалось что-нибудь вызнать?

– Почти ничего, – еще сильнее изогнулся слуга. – След слабый, скользкий.

– Скользкий, ты сказал? – Арух окаменел над блюдом.

– Именно, что скользкий, – заторопился Синг. – Тирух сказал, что пальцы у него словно слизью покрывались, когда он нить пытался поймать.

– Немедленно перевернуть весь город! – Арух побледнел и выплюнул непрожеванное мясо. – Каждый постоянный двор, каждый трактир! Соглядатаев распустить по лавкам и площадям! О всяком иноземце, что в глаза бросится, докладывать. С колдунов глаз не спускать! Забудьте пока о балъ. Айру с отрядом стражников – в Скочу! Тируха – в Лассе! Если у любого подозрительного искра в левом глазу мелькнет, убивать на месте!

– Какая искра? – не понял Синг.

– Вот такая! – прошипел Арух и оттянул пальцем нижнее веко.

Заблестели зеленым, заискрились огни в глазу колдуна, заставили слугу пригнуться и зажмуриться.

– Слушаюсь! – Синг почти ткнулся носом в собственные колени. – Все сделаю и доложу.

– Доложишь! – Арух сорвался на крик. – Собери мне лучших воинов конга! Тридцати человек хватит! И я в Скочу поеду!

– Не люблю я, когда вместо снега пыль, – ворчал Касс. – В мороз она холоднее снега кажется, да и удовольствия никакого, если на рожу или на руки сядет!

Кавалькада стражников с изображением собачьих голов на доспехах приближалась к цитадели Лассе. Только у троих не было знака дома Олли на одежде. Рядом с уверенно сидящим на крепком жеребце стариком Кассом ехала Тини, да две черные тени не отставали от нее ни на локоть. Едва зубчатые башни показались над деревьями, Касс прекратил непрерывную болтовню, которой потчевал Тини третий день пути, забыл о старческих болячках и неудобствах зимней дороги и с восторгом уставился на вырастающие впереди укрепления. Он уже столько раз рассказал жрице храма Сето, как именно его предки, воины дома Олли, заложили в устье реки Даж неприступную крепость, замуровав в основание всех четырех башен живьем по огромному псу, что Тини могла бы подробно описать каждую из собак.

Старик порядком надоел жрице. И то ведь, растянул обычное двухдневное путешествие на три дня, почти в каждый встречный трактир сворачивал, чтобы погреться, испробовать местной стряпни, и всякий раз потом плевался и крыл эту стряпню последними словами, и так – до следующего трактира. Хорошо еще, что пятьсот монет, полученных от тана дома Рейду, неизменно настраивали Касса на благодушный лад. Вот и теперь, едва цитадель Лассе поднялась перед отрядом во всей красе, едва стали различимы фигуры дозорных в бойницах, показались крутые берега бушующей в пропасти Даж, как старик довольно звякнул набитым кошельком, вытащил из-за пояса мех крепкого вина и степенно вылил в рот изрядную порцию напитка.

– Край земель Скира, – произнесла Тини, вглядываясь в покрытые мхом камни.

– Какой край? – поперхнулся Касс. – Ты еще Димуинну об этом скажи! Владения Скира простираются еще на три сотни лиг. Дешта – скирский город! Да что там Дешта? Все окрестные земли подчинены Скиру! Скань, дучь платят дань, корепты и учи трясутся от страха. Скоро будут подчинены балъ и заречные ремини, а там можно будет и на запад поход устроить!

– Ты еще скажи, что в степь! – брезгливо поморщилась жрица.

– И в степь! – уверенно кивнул Касс. – Разве не пора обнаглевших серокожих приструнить? Подожди, падут балъ, и за пелену сунемся, магов Суррары потрясем. Или, думаешь, врут купцы, и нет там городов, дома в которых крыты не камнем, а золотом?

– Мне все равно, какая крыша над головой, лишь бы не протекала, – безразлично ответила Тини. – И все-таки, Касс, это край земель Скира. Я несколько не умаляю доблести сайдов, завоевавших земли вплоть до Дешты, но пока память о прошлых правителях не стерлась в складках гор, эта земля не вполне земля Скира. Моя далекая предшественница, что властвовала над храмом Сето еще посередине владений балъ, говорила, что всякую землю можно завоевать. Достаточно захватить ее, вырубить стоящий на ней многовековой лес и посадить новый. И лишь когда он вновь станет многовековым, а земля останется твоей – тогда предъявляй на нее права. А пока защищай ее как золотой, отнятый у врага.

– Вот чего я никогда не мог понять, зачем загадывать на много лет вперед? – удивился Касс. – Ничего не скажу: леса, что тянутся вдоль гор от реки Даж до твоего храма, почтенная Тини, особенно чащи, что за Боркой начинаются, ну... не совсем сайдские. Там охоту, которой любят баловаться таны со своими отпрысками, не устроишь! Дикого зверья многовато. С другой стороны, и от каменного мешка, в котором храм твой высится, у меня при каждом походе к алтарю Сето несварение случается. А уж о лесах баль просто ужасы рассказывают. Что же получается? Если мы эти леса пересаживать не собираемся, выходит, нашими они никогда не будут? Не согласен я с тобой! Пусть у Скира на десять лет силы хватит, чтобы кусок леса от дикарей оборонить, но эти десять лет – руби его не руби – лес скирским будет! Кстати, зачем его вырубать? Можно ведь и поджечь. Вместе с дикарями!

– Самим бы тогда не сгореть, – почти неслышно пробормотала жрица.

– Чужими руками поджигать следует, чужими, – довольно рассмеялся Касс. – Руками Седда Креча. Или Ролла Рейду. Не его ли герб над воротами Ласса полощется? Никогда не поверю, что великан Ролл променял осеннюю охоту на последнюю дештскую ярмарку!

– Променял или нет, но созерцание твоего счастливого лица, Касс, радости ему не прибавит, – заметила Тини.

– А я и не собираюсь его радовать! – отмахнулся старик. – Непрístupные стены Ласса слишком холодны для моих костей. Я собираюсь остановиться за речкой, в Скаче. Знаю там один уютный трактирчик, где бесподобно запекают в глине лесного голубя! Ты-то не передумала, Тини? Следуешь за мной до Дешты?

– У меня есть дела в Скаче, – нахмурилась жрица. – Но если ты готов задержаться ради меня на денек-другой...

– Чего же не задержаться? – Касс довольно почесал брюхо. – Знаешь ли ты, любезная Тини, сколько трактиров я успею обойти даже за один день? А за два?..

Лес казался мертвым. Зиди остановил лошадей, передал уздцы соскользнувшей в траву Рич, шагнул вперед и, с трудом согнув больную ногу, опустился на колени. Закрыв глаза и сказал нужные слова. Примет ли? Столько лет не был в лесу сын баль! Все деревья помнит по именам, а голоса их забыл. Что же делать? Только звать и прислушиваться.

Аилле уже поднялся над горами, но теперь их искрящиеся вершины не были видны. Лес, отступивший от дороги, но все еще вздымающий кроны на недоступную высоту, загораживал половину неба. Холодный ветер путался в ветвях, шелестела опавшая листва, но деревья молчали. Выпуская морозный пар, Зиди шептал имена деревьев и кустарников, лесных трав и грибов, призывал духов ручьев и родников, прислушивался к шевелению корней в земле и предзимнему журчанию древесных соков под корой, но ни отзвука не доносилось из леса. И только когда баль рискнул все-таки назвать имя лесной топи, в ушах прозвучал тяжелый вздох.

– Идем, – обернулся Зиди.

– Это магия баль? – прищурилась Рич. – Ты разговаривал с лесом?

– Пытался, – буркнул Зиди. – Но это не магия. Я не колдун, я воин. Я был воином. Не хочет лес разговаривать. Он напуган. Может быть, почти мертв.

– Кто же убил его?

Зиди даже остановился. Действительно удивление послышалось в ее голосе, или ему показалось?

– Разве в нем нет зверей и птиц? Слышишь щебет? Разве эти деревья мертвы? Может быть, они спят?

Она насмеялась над ним.

– Есть звери, – кивнул Зиди, стараясь не смотреть на Рич, но не удержался, поймал взгляд. – И птицы есть. Но они как дети. Ребенок ведь тоже может сразу и не понять, что его мать сражена стрелой, и будет напрасно дергать ее за руку.

– Он будет дергать ее за руку и тогда, когда она крепко спит... – с интересом наклонила голову Рич.

– Не зная, что она может никогда и не проснуться, – медленно закончил Зиди, с трудом отрывая взгляд от глаз попутчицы. – Этот лес чем-то напоминает мне рабов Скира. Они тоже живы, но порой кажется, что они не более чем ожившие мертвецы. Лес мертв, Рич. Если же это сон, то он почти неотличим от смерти. Если боги будут милостивы к нам, я покажу тебе живой лес. А теперь поторопимся. Нам нужно избавиться от трупов.

– Это запретный лес, – прищурившись, предупредила девушка.

– Для нас теперь каждый куст, каждое болото от Скира до Дешты запретно, – отмахнулся Зиди.

– Для тебя! – жестко поправила его Рич. – За мной пока погони нет!

От трупов удалось избавиться быстро. Еще на краю леса Зиди сбросил тела в ложбину, оставшуюся от прошлогодней лежки серого медведя, и тщательно засыпал их прелыми листьями. Рич подъехала к толстой, в два обхвата сосне и потрогала отпечатки когтей зверя.

– А если медведь вернется?

– Вряд ли. – Зиди забросил на лошадь доспехи стражников. – Медведь никогда не зимует в одном и том же месте. Тем более что медведи уже месяц как видят сны. А еще более вероятно, что предзимняя охота, которой предаются таны на этой неделе, вообще оставила этот лес без крупного зверя. Но если случится чудо и медведь вернется, тогда он, вероятно, поблагодарит нас за лакомство.

– А мы сами не станем лакомством? – поежилась Рич.

– Нет, – успокоил ее баль, залезая в седло. – Не надо бояться зверя, он менее опасен, чем человек. К тому же этот медведь маленький, не намного больше любой из наших лошадей.

Последнее замечание не добавило Рич бодрости, поэтому она вновь замолчала. Девчонка опустила платок на плечи, разметала густые волосы и с интересом завертела головой по сторонам. Когда лошади остановились на краю бурой трясины и Зиди вновь опустился на колени, сайдка подошла к нему:

– Ты хочешь утопить их доспехи и оружие?

– Не все. – Зиди обернулся. – Распахни плащ.

Рич помедлила мгновение, удивленно подняла брови, затем распустила шнуровку и сбросила плащ на опавшую листву.

– И свой тоже, – потребовал Зиди.

– Ты не боишься, что кто-то убьет тебя даже за взгляд в мою сторону? – побелев от ярости, спросила Рич.

– Боюсь, – признался баль. – Но того, что ты простудишься и будешь нуждаться в тепле и отдыхе, боюсь больше. Дорога слишком трудна. Сними плащ.

В этот раз пауза получилась длиннее, Рич стиснула зубы, обожгла Зиди злым взглядом, но на землю упал и второй плащ, оказавшийся простым только снаружи. Изнутри он был отделан мехом морской выдры. Старый воин со вздохом оглядел стройную фигуру в свободных штанах и короткой куртке, протянул руку, ощупал тонкую кожу сапога, коснулся колена. Рич задрожала, но не шевельнулась.

– Понимаю, – кивнул Зиди. – По обычаю сайдов я нанес тебе тяжкое оскорбление. По обычаю моего народа оскорблением будет, если я позволю тебе замерзнуть. А развести костер мы сможем не всегда. У тебя хороший костюм, дорогой плащ, щегольские сапоги. Но ноги у тебя замерзли, одежда тоже не в силах тебя согреть вместе с тонким бельем, которое я почувствовал под тканью, да и появиться в таком плаще на мосту в Лассе, это значит привлечь к нам слишком много внимания.

– Ты предлагаешь переодеться? – холодно спросила Рич, едва сдерживая гнев.

– Да, – кивнул, выпрямляясь, Зиди. – К счастью, стражники, преследовавшие нас, тоже боялись холода. Их одежда из шерсти, и на ней нет знаков дома их тана. Пусть их плащи не так теплы, как твой, но они не пропускают дождь, защищают от ветра и не слишком приметны. Пожалуй, переодевшись, мы будем похожи на семью зажиточных сайдов.

– То, что ты баль, видно за лигу, – презрительно усмехнулась девушка.

– Штаны и рубаха того молодого воина, что заглядывался на тебя, будут тебе почти в пору, если ты наденешь их поверх костюма, – продолжал Зиди. – Кроме всего прочего, это позволит хоть немного скрыть твою юность. Да, и надень эти сапоги. Они будут довольно велики, но добавь на ноги пару теплых носков и зашнуруй потуже. Ведь у тебя в узелке лежат именно носки и чистое белье?

– Мне показать? – угрожающе прошелестела Рич.

– Нет. – Зиди махнул рукой. – А свои сапожки и плащ убери ко мне в мешок. Да не в тот, где бочонок, – вымажешь! Положи в тот, где лежит твой узелок. И доставай лепешки и мех с вином. Сделаем короткий привал.

Рич несколько мгновений стояла не шевелясь, с трудом сдерживая ярость, но, увидев, что баль заковылял со шлемом одного из стражников к топи, яростно переломила попавшую под руки сухую ветку, присела на замшелый корень столетнего дерева и принялась стаскивать сапоги.

– Главное, оставаться в тепле и сухости, – пробурчал Зиди, поднося лошадям воду. – На втором месте по важности – не забывать о лошадях. А уж на третьем – набить живот и самим утолить жажду.

– Ты считаешь, что воду из топи можно пить? – Рич поморщилась, затягивая на поясе тесьму широких штанов.

– Можно, – кивнул баль. – Лошадям можно, осенью топь уже спит. А вот нам придется обойтись вином. Но оно легкое, не бойся.

– Я ничего не боюсь! – резко бросила девушка.

– Не сомневаюсь, – серьезно кивнул Зиди. – Я, правда, подобной смелостью похвастаться не могу. Мудрец, который учил меня, говорил, что ничего не боится или дурак или...

– Или? – угрожающе прищурилась Рич.

– ...или тот, кто не чувствует опасности.

– То есть все равно дурак, – кивнула Рич и брезгливо скривила губы, вытаскивая из мешка ладонь, выпачканную чем-то липким. – Что это?

– Рич! – поморщился баль. – Я же сказал, твои вещи в другом мешке. Здесь только бочонок.

– Это мед? – Рич принялась. – Запах... странный.

– Это муравьиный мед, – объяснил Зиди.

– Муравьиный?! – Девушка лизнула пальцы. – Действительно... горький. Как баль удается заставить муравьев собирать нектар с цветов?

– Баль договариваются с муравьями, – проворчал старый воин. – Заставляют их собирать мед. Но те все равно делают это не слишком охотно. Муравьи тоже порой ведут себя как люди: служат тому, кто сильнее, но вредят ему при малейшей возможности. Каждый муравей, доставляя к площадке бальского колдуна каплю нектара, оставляет в ней частицу яда. Отсюда и горечь.

– Но ведь именно это делает муравьиный мед ценным снадобьем! – воскликнула Рич.

Глаза девчонки загорелись, она смотрела на Зиди с неподдельным интересом.

– Я гляжу, ты разбираешься в снадобьях? – прищурился баль.

– Как и всякая сайдка! – Рич гордо выпрямилась.

– И держала в руках меч?

– Приходилось, – задрала подбородок девчонка.

– Держи! – Зиди бросил ей рукоятью вперед один из мечей.

Рич поймала его правой рукой и тут же сделала шаг назад, согнула колени и замерла, положив клинок на предплечье.

– Эти сайдские фокусы нам не пригодятся, – усмехнулся Зиди. – Но рукоять ты держишь верно. Надеюсь, что хвататься тебе за нее в пути не придется. Хотя, должен признать, удар стилета был неплох.

– Я дочь Скира! – сдвинула брови Рич.

– А эти стражники были сыновьями Скира. И довольно отвратительными сыновьями, смею заметить! – усмехнулся старый воин и примиряюще кивнул, увидев вспыхнувший на щеках девушки румянец. – Ладно, еще не один сын Скира нам встретится, и кто-то из них, возможно, окажется достойнее этих троих. Меч пока оставь себе. Он тяжеловат, но все же легче остальных. А так-то все три не слишком хороши. Подожди, я собою с ножен знак дома Рейду и помогу подогнать перевязь. Все остальное придется отдать топи... Послушай, ты собираешь хворост для костра или нет?

– Зиди. – Сайдка впервые назвала баль по имени. – Зачем тебе столько меда? Зачем тебе муравьиный мед, если ты возвращаешься домой?

– Тебе что за дело? – нахмурился тот.

– Маги из башни Аруха еще позавчера бродили по городу и трясли торговцев снадобьями. – Рич уставилась на баль. – Они искали того, кто скупил муравьиный мед! Зачем тебе столько меда?

– Тонкий расчет! – поднял палец Зиди. – Я истратил на этот мед все сбережения. Уж не меньше десяти золотых, поверь мне! Я же не колдун, сам и одного муравья не заставлю отправиться за нектаром, а весной конг двинет скирские рати на мою землю. Они убьют всех, и колдунов в первую очередь. До тех, кого они не убьют, доберутся воинства Суррары. Моя земля обезлюдует. Когда распустятся цветы, некому будет заниматься муравьиным медом. Цена на него вырастет в несколько раз! А в войске конга будет много раненых и больных, потому что без боя мой народ не сдастся. Вот тогда я с лихвой верну потраченные денежки!

– Удивительно! – покачала головой девушка. – Отчего думаешь, что сам выживешь?

– А как же иначе? – не понял Зиди. – Даже твои пятьдесят золотых не заставят меня забыть о десяти монетах, собранных за годы рабской доли! Или ты хочешь, чтобы они были потрачены зря?

– Пока я хочу только одного, – отрезала Рич. – Добраться до Дешты. Правда, я нанимала воина, а получила, кажется, купца?

– Доберешься, – уверенно сказал Зиди и опустил связанные вместе оружие, упряжь и лишнюю одежду в топь. – И купцы могут быть воинами, и воину не зазорно при случае поторговать. Эй, не торопись вытирать липкие пальцы! Так и быть, в этот раз костром займусь я. Намажь-ка муравьиным медом лицо. Да не бойся, не обожжешься! Разве ты не знаешь, что скирские красавицы, из тех, что побогаче, выводят этим снадобьем веснушки? Впрочем, откуда тебе знать? С такой-то кожей... Мажь! Я не знаю другого способа остаться в живых, если стражник на ласском мосту сдернет с твоего лица платок! Неплохо бы и волосы смазать медом...

– Не понимаю, – насторожилась девушка.

– Что тебе непонятно? – удивился баль, разгребая листву под кострище. – Муравьиный мед на пару недель придаст твоим бровям и ресницам светло-рыжий оттенок. Да и на коже появится что-то вроде загара. Если не показывать никому твои руки, которые скорее всего незнакомы с землей, иглой, нитью, щелоком и горячей водой, ты сойдешь за юную корептку. За очень красивую юную рабыню-корептку. По-моему, все ясно.

– Я не об этом. – Рич не сводила с седого воина взгляда. – Зачем оставаться в живых, если ты готов к тому, что твой народ погибнет?

Зиди переломил крепкими руками пук хвороста, бросил его на расчищенную от сухой листвы землю, пробурчал недовольно:

– Пока я жив, мой народ тоже жив. Когда степной пожар уничтожает хлебное поле, крестьянин достает неприкосновенный мешок семян. Но если голод вынудит его смолотить и эти семена, он все равно найдет хоть одно зерно, чтобы бросить его в землю. И все вернется.

– Если только птица не выклюет зерно из борозды, – чуть слышно прошептала Рич. – Нам будет очень непросто перейти мост у Ласса, баль.

– До Ласса надо еще добраться, – отмахнулся он. – И до Омасса и до Борки. И до Дешты. Мы пройдем, Рич. Или погибнем, что вряд ли. Знаешь, что внушает мне веру в нашу удачу?

– Деньги? – презрительно хмыкнула девушка.

– Нет! – поморщился Зиди. – У меня слишком много врагов. И вряд ли они смогут договориться!

– Слишком много врагов не бывает, – не согласилась Рич и медленно стянула с пальцев перчатки. – Ты не провидец, баль. Посмотри на мои руки: я не успела их изуродовать, но они очень хорошо знают, что такое земля, камень, уголь, игла, нить, щелок и многое такое, о чем ты даже и не слышал.

Глава шестая

Они ехали вдоль топи до темноты. Поросшие густым нехоженным лесом холмы перед близкими горами словно прогнулись под тяжестью скальных громад и обратились в низину. Край болота уходил на юг, поблескивая коричневыми пятнами засыпающей трясины, но лес продолжался и в сторону гор. Топь не останавливала деревья, она только скручивала и прореживала их.

Старый воин чувствовал смутное беспокойство. Он то и дело вертел головой, прислушивался к слабым шорохам, вглядывался в редкие следы зверья, косился в сторону топи. Все годы неволи, после того как его со скованными руками и ногами доставили в Скир, балъ провел в коридорах дома Креча. Никогда Зиди не бродил по скирским угольям, но порой за опустошением очередного меха вина расспрашивал хмельных собеседников, какие дороги помогли бы ему убраться из ненавистного города. Поэтому знал, что восточнее тракта, который напрямиком вел из Скира к Лассу, нет ни одной деревни. На десятки лиг простирался заповедный лес, где таны четыре раза в год испытывали сыновей на знаменитой охоте, о которой знали все, но которую предпочитали не обсуждать ни вольные сайды, ни рабы. Давно следовало расспросить и о ней кого-нибудь, хоть того же Ярига, но всякий раз вино оказывалось слишком крепким, язык начинал заплетаться, и разговор заканчивался на полуслове. Вот и теперь Зиди морщился, борясь с нестерпимым желанием вытянуть из мешка мех вина и смочить горло, и со все большей тревогой отмечал, что следов крупной дичи в лесу нет. И та лежка серого гиганта, в которой пришлось схоронить трупы, теперь казалась Зиди случайной. Лес оставался мертвым или спящим, даже слабое дыхание топи напоминало дыхание смерти. Иногда в прелой листве балъ угадывал следы копыт и как будто сапог, но ни одной хижины, ни одного навеса от дождя не попалось спутникам. Их не было вовсе или же охотничьи убежища устраивались поодаль от болота.

– Костер разводить не будем, – буркнул Зиди, давая знак остановиться, когда местность начала повышаться, а копыта лошадей зачавкали вдоль еле заметного ручейка.

День еще не закончился, но со стороны топи пополз туман, он не поднимался выше трех-четырех локтей, но возможную тропу скрывал полностью.

– Спать, – пробурчал старый воин, расстилая на собранный им на ощупь ворох листьев запасной плащ. – Ложись. Продолжим путь, если туман рассеется.

Рич легла сразу, только достала из мешка накидку. Зиди нацедил в ручье воды, напоил лошадей, которые тут же начали недовольно прихвывать пожухлые от мороза клочья бедной травы, и напился сам, пытаясь избавиться от горькой слюны. Голова начинала гудеть почти невыносимо. Зиди подошел к лошади, нащупал сквозь ткань мешка заветный мех и оглянулся. Закутавшись в плащ до подбородка, девчонка смотрела на него то ли с раздражением, то ли с досадой.

– Спать! – нахмурился балъ и шагнул к стволу поднимающегося над туманом древесного гиганта.

Под ногами захрустели опавшие листья. Их, напоминающих лапы водяной ящерицы, на ветвях осталось немного. Почти все одеяние лесного великана как раз и послужило постелью для случайно забредших в царство спящих деревьев путников. Но и те листья, что остались, готовы были проститься с ветвями при первом порыве ветра. «Как кровь», – подумал балъ, сорвал окрасившийся алым цветом листок и, свернув его в трубочку, отправил в рот. Лист с шелестом раскрошился на мелкие частички, рот наполнился вязкой, стягивающей лицо вплоть до скул слюной, но жажда и головная боль, мучившая Зиди последние дни, исчезли. Впервые ему не хотелось развязать мех и беспрерывно глотать, вливать в себя вино, пока жжение в груди и стук в висках не утихнут. Он приложил к стволу ладони и негромко запел, зашептал

положенные слова. Привычное лесное колдовство прикикло к коре, облизало узловатые ветви, впиталось в сырой грунт, и дерево неожиданно откликнулось. Медленно полетели с верхушки еще сохранившие зелень листья, шевельнулись без ветра ветви, и старый баль, получивший седины не в родных краях, а в холодных коридорах чужого дома, услышал голос больного дерева. Спустя короткое время, Зиди лег в листву и прижался спиной к Рич. Девчонка вздрогнула, но не отодвинулась.

Теперь до утра можно было спать – дерево охраняло покой путников.

Зиди проснулся от запаха. Опасности не было или пока не было, дерево молчало. Раскинутые в стороны ветви, продолжающие тянуть из земли влагу корни все еще служили путникам, стерегли недолгий сон сына лесного народа и его спутницы, но дерево казалось испуганным, словно наползающий с юга запах напоминал о чем-то ужасном. Туман рассеялся. На черном, искрящемся звездами небе засияла полная Селенга, затапливая спящий лес серебром и расчерчивая его резкими тенями, но утро близилось.

Зиди тяжело сел, поежился от пронизывающего сырого холода и принялся разминать больную ногу. В зарослях иччи шевельнулись лошади, тенью в сторону скользнула Рич. Прищурившись, старый воин взгляделся в освещенное Селенгой, только что умытое холодной водой лицо. Посветлевшие брови и ресницы словно вовсе исчезли, слились с кожей, которая в свете Селенги казалась серой. Но девчонка все равно оставалась такой красивой, что в спокойный переход ласского моста верилось с трудом. Да и без нее его будут ждать. Отправляться надо. Она ведь, кажется, успела уже и перекусить? Хорошо.

– Что это за запах? – спросил Зиди.

– Запах? – не поняла Рич и втянула тонкими ноздрями холодный воздух. – Это не совсем запах.

– А что же это?

– Это обряд, колдовство. Так пахнут таны, их сыновья или братья, когда возвращаются с охоты.

– Седд Креча никогда не участвовал в охоте. – Зиди, поморщившись, поднялся на ноги. – Возможно, из-за того, что у него нет детей. Но, учитывая, что зверья в этом лесу тоже нет, без магии на танской охоте не обойтись.

– Ты не знаешь, – понимающе усмехнулась Рич. – Таны охотятся на людей.

– На каких людей? – не понял баль. – Насколько я знаю, заходить в заповедный лес, что тянется между горами и трактом, запрещено даже вольным сайдам!

– Не запрещено, – фыркнула девчонка. – Всякий сайд может зайти в этот лес, но если он найдет здесь смерть, его близкие не должны посылать проклятий обидчикам. Это лес охоты на людей. Видишь? – Она протянула руку. Впереди еле различимо помигивали огни. – Это факелы на стенах Скомы.

– Все правильно, – пробормотал Зиди, досадуя, что не он первым заметил крепость. – Скома. Охотничий замок. Но почему охота на людей? Разве танам мало потехи, когда кровью поливается арена? Или, истребив зверье, таны не нашли ничего лучшего, чем...

– Ты не понимаешь! – оборвала его Рич. – Эта охота – не потеха. И Скома не простой охотничий замок. Там, внутри древних стен, алтарь Сурры – бога войны. Он принимает только человеческие жертвы, но жертвы убитых в бою. В честном бою! На охоте! Именно поэтому все происходящее здесь сохраняется в тайне, по крайней мере, в тайне от черни и рабов. Это обряд. Всякий юный тан становится воином, только победив врага и испив его крови у алтаря Сурры.

– При желании любой тан мог бы нацедить сколько угодно крови без риска для собственного здоровья. – Зиди подошел к лошадям и потянул тесьму мешка. – Раб для знатного сайда – как эти лепешки для нас. Вытаскивай из темницы, да вонзай зубы. Вот уж не думал, что

сайдские вожди подобны муррам, что по ночам заползают в хижины и присасываются к ногам спящих.

– Запах, – холодно усмехнулась Рич. – Ты забыл про запах магии. На этой охоте нет слабых жертв. Тем, кого раздевают донага и выпускают в лес без оружия, дают нечто большее – кровь юррга.

Старый воин так и застыл с куском лепешки во рту. Почти двадцать лет прошло с тех пор, когда он сам шел в лес, чтобы развесить вокруг селения вываренные с солью чурбаки болотного можжевельника. Деревенский колдун рассказывал, что юррг не любит сладковатый запах, исходящий от вареной древесины, но все равно каждое селение теряло в сезон не менее двух-трех охотников. А уж череп убитого юррга Зиди видел только один раз. Колдун говорил, что кровь зверя прибавляет силы воину вчетверо, наделяет его безрассудной храбростью, но постепенно лишает разума, а через сутки – и жизни. Скручивает в злобе слабые кости, ломает и рвет его тело на части.

– Откуда же у сайдов кровь юррга? – прошептал балъ. – Этот зверь не водится севернее пелены. У нас говорили, что он – создание магов Суррары. Он только забредает иногда на наши земли.

– И за пеленой живут люди, – сказала Рич. – Купцы из-за пелены нечастые гости в Скире, но всякий видел на рынке их шатры. Кровью юррга владеет Ирунг Стейча. Может быть, ему доставил ее Арух? Он сам очень сильный маг и считается послом тех магов, что властвуют над землями за пеленой. Раньше обряд посвящения в воины устраивался проще: рабам давали оружие и доспехи, и претендент сражался с ними. Но когда рабам стали давать кровь юррга, оружие и доспехи не понадобились, они и без этого... иногда побеждают. Мы едем?

– А юные таны не боятся пить отравленную кровь? – усомнился Зиди.

– Я думала, ты спросишь, не противно ли им. – Рич забралась в седло. – Некоторые из них с удовольствием отведали бы и человеческой плоти. Кто знает, я не была в Скоме, но может быть, им и это удастся. А что касается крови... Ирунг знает, что надо бросить в напиток, чтобы он перестал быть ядом.

– Отчего ты не сказала раньше? – прищурился балъ. – О том, почему лес запретный? Мы бы выбрали другой путь.

– Другого пути к Лассу нет. – Рич стерла улыбку с лица. – Так же, как нет другой переправы через Даж, кроме моста у Ласса. Земли западнее тракта плотно заселены. Каждая следующая деревня начинается за околицей предыдущей. Поторопимся, воин, до Ласса от Скомы еще сорок лиг.

Зиди держался впереди. Рич следовала за ним, но воин не мог избавиться от ощущения, что не он ведет крохотный отряд через предутреннюю мглу заповедного леса, а именно юная красавица, которой-то и семнадцати лет, скорее всего, еще не исполнилось. Насколько было бы проще, окажись они в бальском лесу или даже в тех рощах и чащах, что перемежали сайдские деревни между Скочей, Омассом и Боркой.

Островки великого леса приютили бы сына балъ. Даже теперь, за считанные дни до зимнего полога, они могли бы скрыть и защитить. Эти же деревья не могли защитить и самих себя. Они испуганно вздымали ветви к светлеющему небу, словно пытались вырваться из подмороженной почвы и улететь. Они боялись, и объяснение их ужаса настигло путников с первыми лучами Аилле.

В отдалении загудел охотничий рог, и в ноги лошадям ударил каменистый проселок. Зиди решил пересечь его и уйти к югу по гребню лесистого распадка, но на дороге послышался топот. Воин придержал лошадь и потянул из ножен меч. По уходящему во мглу леса проселку бежал человек. Точнее бежало нечто напоминающее человека. Он был худ, наг и грязен. Чувствуя, как ужас стягивает кожу на затылке, Зиди пригляделся и понял, что худоба бегущего,

который скорее мчался огромными скачками, расставив в стороны тонкие руки, неестественна! Его плоть уплотнилась, прижалась к костям, облепила их камнем напряженных мышц, которые пока еще давали несчастному неестественную силу, но вскоре должны были оказаться сильнее его костей и переломать их.

Все это промелькнуло в голове воина мгновенно, но чудовище оказалось еще быстрее. За десяток его прыжков, когда Зиди уже подал коня вперед, чтобы остановить бегущего, тот вдруг опустился на четвереньки, ускорился и прыгнул. Конь Рич попятился, но комок живой плоти, похожий на упавшего в холодную воду гигантского паука, уже долетел до его морды, впился искореженным ртом в горло животному, выдавил каменными пальцами глаза и пополз по заваливающемуся набок, хрипящему телу к его окаменевшей от ужаса всаднице.

Зиди преодолел оцепенение в тот миг, когда, покинув глазницы коня, пальцы чудовища рванули его гриву. Клинок сверкнул в воздухе и полусрубленная голова закричала, заскрежетала зубами, вцепилась коню в холку, но почти обезглавленный труп продолжал лезть вперед, оставляя голову под животом, сдирая с собственной груди лоскут окаменевшей кожи и заливая упавшее животное кровью.

Выхваченная из седла Рич бессильно прошептала:

– Поспеши, воин. В двух лигах от нас на дороге еще полдюжины таких созданий. За ними скачут два сына Ирунга Стейча в полном боевом облачении, два десятка собак и не меньше десятка егерей следом, но не дальше лиги от молодых танов. Надо уходить.

Повторять не пришлось. Зиди рывком перебрал спутницу за спину и направил коня вниз по распадку.

Пожалуй, они смогли бы уйти и от собак и от егерей, но от несчастных, которых Рич назвала юрггимами, уйти было непросто. Им не требовались пологие склоны и прогалы в чащах, чтобы мчаться без усталости. Остатки разума еще приказывали жертвам танских обрядов бежать от стен Скомы, но запах крови затмил и их. Кровь могла ненадолго продлить их безумный бег. Превратившиеся в зверей люди пошли по следам беглецов. Зиди увидел бледные тени, когда его лошадь вырвалась из чащи на каменистое плато, и тут же понял, что уйти они не смогут.

– Туда! – ударила по плечу воина Рич, показывая на поросший ползучей иччей холм.

– Не многовато ли для нас кроме этой мерзости еще десяти егерей и двух молодых танов? – пробормотал баль, но повернул лошадь и пустил ее по вытесанным природой неровным ступеням.

Девушка спрыгнула с лошади, едва они достигли вершины. Не говоря ни слова, она взобралась на верхушку скалы, что возвышалась над крохотной площадкой на два человеческих роста, и явно вознамерилась дожидаться, пока Зиди расправится с преследователями.

– Ну вот, лесная ведьма мне за спину! – пробормотал себе под нос Зиди, рассматривая словно кислотой изъеденное лезвие. – Рич, брось мне меч!

Клинок загремел у ног прижавшейся к скале лошади, а с вершины донесся неожиданно спокойный голос девчонки:

– Я вижу сверху башни Ласса! Егеря дадут нам время, чтобы добраться до моста, а вот собак сбить с пути не удалось.

– Какой к юрггу мост, живыми бы остаться! – сплюнул Зиди.

Он уже видел не только приближающихся юрггимов, но и показавшихся на краю леса двух всадников и свору собак. Чудовища давно уже бежали на четвереньках и поднялись на ноги только близ холма.

– Смотри-ка! – удивленно воскликнул Зиди. – А вон того здоровяка, заросшего шерстью до колен, я знаю. Это же Мигля! Кузнец! Раб дома Ирунга. Ходили слухи, что он глаз на

наложницу тана положил. Я-то думал, что с него шкуру в тюремном дворе содрали, а он... Эй, Мигля! Где штаны потерял?

Тот, кого окликнул баль, меньше остальных был похож на человека. Он так и не выпрямился, не встал на ноги и прыгнул вперед, явно намереваясь вырвать клочок плоти из живота Зиди.

– Что ж ты делаешь? – рассвирепел баль, одним ударом рассекая околдованного раба вдоль хребта. – Я же еще жену взять хочу! Куда метишь?

Располовиненный раб еще скреб пальцами по скале, а Зиди уже всю орудовал мечом. На шутки у него времени не осталось. Более того, баль вдруг с ужасом почувствовал, что не успевает за стремительными прыжками обратившихся в чудовищ людей.

Лошадь спасла его, и то лишь тем, что двое из оставшихся пятерых юргимов бросились к ней, впились зубами в горло и повалили хрипящее животное под ноги Зиди. Баль, успевший срубить головы еще двум, оступился и вынужден был сносить голову третьему, когда тот вцепился зубами ему в колено. Новая боль легла на боль от старой раны, пронзила ногу, заставила Зиди задохнуться, согнуться в поясе, выпалить самое грязное скирское ругательство, которое он знал, но еще двое противников, вгрызавшихся в плоть закатившей глаза лошади, ждали ударов его меча. Один поплатился головой за излишнюю прожорливость сразу, а второй прыгнул к завизжавшей от ужаса Рич, но короткий бальский нож догнал его в воздухе и вошел под основание черепа. Зиди добил чудовище ударом меча, тяжело опустился на круп мертвой лошади, отбросил здоровой ногой обезглавленный труп и сшиб ударом кулака со штанины отсеченную голову. Рич птицей слетела со скалы, выхватила стилет – боги знают, где она его хранила на теле! – надорвала ткань и резким движением тонких, но сильных рук распустила от бедра штанину на больной ноге.

– Что ж ты штаны портишь? – только и крикнул Зиди.

– Вон наши свежие штаны подъезжают, – махнула рукой Рич.

Баль прищурился. К холму приближалась свора собак, за ней погоняли лошадей двое богатых всадников. Сверкали латы, отсвечивали холодными лучами Аилле белые клинки.

– Мечи с серебром, – процедил сквозь зубы старый воин. – Такие не портятся от поганой крови. Я-то от нее не испорчусь?

– Не должен, – пробормотала девушка, втирая в обезображенное колено снадобье. – В Скаче я тебя попробую подлечить. Что ж ты, баль, такой дырявый бочонок под снадобье приспособил? Он же весь липкий от меда!

– Не дырявый он. – Зиди попытался подняться. – То, что из щелей выступило, и должно было выступить. Распаривать некогда было, зато теперь в него хоть воду, хоть вино лей, ни капли не упустишь. Разбух он.

– Нога твоя скоро разбухнет! – Рич толкнула его, заставив с оханьем вновь упасть на мертвую лошадь. – Ты и раньше не слишком ловко ногами шевелил, а теперь и вовсе только верхом сможешь. Пока я тебя не вылечу.

– Некогда нам лечиться! – Зиди заскрипел зубами. – Мечом надо помахать, пока и его кровь поганая не съела. А пешком я и так не собираюсь ходить, не те годы. Как тебе лошадки? Штаны на ребятах столь же хороши?

Рич мельком оглянулась на приблизившихся всадников и разодрала на ленты голубую тонкую ткань, что выудила из узелка. Тихо, едва слышно баль завыл от боли, когда уверенные руки коснулись раны, начали накрепко перебинтовывать ее драгоценной тканью, но нагнулся и сгреб в пригоршню смоченную кровью грязь. Вдохнул полной грудью, что было сил прокричал нужное заклинание, размахнулся и бросил в сторону слепленный ком. Свора собак нерешительно остановилась, вожак хрипло залаял и повел стаю на север. «Колдун, который знает не только заклинания, но и силу к ним может добавить, гнал бы собак до Скира, а такого кол-

довства лишь на десяток лиг и хватит, – подумал Зиди. – Хорошо еще, что крови с колена на землю хлынуло изрядно, а то руку бы пришлось кровенить».

– Смотри-ка! – удивилась Рич. – Ты и колдуешь понемногу? Научишь?

– Если живы останемся, – прошептал старый воин. – Подай-ка мой нож!

– Держи.

Не побоялась девчонка в крови вымазаться, рукоятью вперед нож протянула.

– Не сладишь ты, баль, с этими Стейча ножом.

– А я постараюсь, – усмехнулся тот.

– Постарайся, – кивнула Рич и полезла на скалу. – А я тебе помогу!

– Ты не забыла, что это сыновья Ирунга? – крикнул Зиди, пытаясь пересилить скручивающую колена боль. – И о том, что их отец – жрец самого большого храма Скира и тан самого богатого дома? Ирунг – наместник конга от Скира до Ласса! Если мы даже перейдем мост, до Дешты останется еще без малого три сотни лиг. Земля будет гореть у нас под ногами!

– Не сомневаюсь, – отозвалась Рич. – Что ж, попробуй с ними договориться. Только я убила бы их, не задумываясь. У меня к ним свои счета есть!

– Эй! – закричал, вновь поднимаясь на ноги, Зиди всадникам, которые спешили и привязывали коней к мелколистному кустарнику. – Нам пришлось тут немного подраться, но мы не жаждем славы, готовы уступить ее вам!

Всадники не удостоили баль ответом. Выставив мечи, они двинулись к вершине холма. Кольчужные шлемы закрывали их лица, только глаза сверкали в прорезях, но это был блеск ненависти.

– Первый, что выше на полголовы, очень силен, – прошипела сверху Рич. – Он и старше на два года. Но второй опаснее. Не смотри, что узок в плечах и мал ростом, меч в его руках не летает, он вспыхивает!

– Не велика доблесть – зарубить одноногого! – крикнул Зиди. – Ну, есть о чем поговорить или решили погубить старика?

Ответом вновь было молчание. Старший остановился напротив Зиди, выставил меч и шагнул в сторону, дав подняться на площадку второму. Тот действительно уступал брату ростом, но и двигался мягче, словно плыл по краю скалы.

«Эх, нога!» – вздохнул Зиди.

Знал баль, что схватка с двумя противниками или с тремя, если боги пошлют такое нелегкое испытание смельчаку, ногами выигрывается. Одним мечом никак не обойдешься. Только ведь жаловаться после схватки можно, а до нее будь добр, напрягай живот, иначе не жить жалобщику.

Поднял меч баль, согнул больное колено, охнуть приготовился, зубы стиснул, но боли словно и не было никогда. Чужим колено показалось, холодным, но слушаться не отказалось. Медленно, очень медленно двинулся Зиди к младшему брату. Опасный противник ближе должен быть. Вот бы еще напал первым, совсем бы хорошо сладились. Старший хоть и силен, страха не знает. Ноги прямыми держит, шагает, стараясь за спину баль зайти, словно винную ягоду утаптывает. А вот младший замер. Ждет. Что ж, глупо было надеяться, что молодые таны дома Стейча напропаляю полезут.

Первым напал старший. Верно, приманила молодца открытая спина баль. Зиди не видел атаку – ветер почувствовал, взмах. Ноги сами, словно и не было долгих лет хромоты, развернули туловище. Ушел баль с линии удара, шагнул не в сторону, а почти под руку противнику. Повернулся уже вокруг здоровой ноги и воткнул нож в прорезь шлема старшего сына Ирунга, удерживая меч перед собой. Младший и с места не двинулся, когда забулькал, забился в судорогах его брат. «Очень опасен», – согласился с Рич Зиди, делая шаг вперед. Замер, скосил взгляд на серый камень под ногами, на трупы юргимов, на лужи крови. Шесть-семь шагов до юного Стейча. Зарубит паренек его, как есть зарубит.

– Здесь надо ждать, – прошептал себе Зиди, но против его воли ноги уже сами медленно двигали тело к замершему с поднятым мечом младшему Ирунгу.

И тут опасный противник оступился. Вскрикнул от внезапной боли и на мгновение потерял равновесие. Оступился на то время, которое нужно стреле, выпущенной из тугого сайдского лука, чтобы пролететь сотню шагов.

Зиди успел. Не будь этой внезапной боли, младший Ирунг без труда бы удар встретил, а так только меч поставил, да упора уже не было. Покачнулся, едва не упал, поэтому и удара ответного сразу, как следовало, не нанес. Вот только меч Зиди сломался. Поймал Зиди на гарду слабый удар младшего Ирунга, не стал дожидаться второго, смертельного, шагнул еще на шаг вперед и ударил врага левой рукой в переносицу. Всю силу, всю ненависть вложил в этот удар, а когда хрустнуло что-то на лице теперь уже не будущего тана дома Стейча, а мертвого сына Ирунга Стейча, почувствовал боль. Разом она вернулась, захлестнула от щиколотки до бедра, скрутила пополам, сердце стянула стальной проволокой. Совсем уже собрался упасть Зиди, чтобы бить кулаками, скрести, обламывая ногти, пальцами по скалам и выть, выть, выплескивая боль и задерживая дыхание, но глаза остановили. В глазах Рич было больше боли, чем мог представить Зиди. Пустыми были ее глаза, тусклыми.

– Ну, – прохрипел Зиди. – Что ж ты наколдовала там на этом пригорке?

– Боль твою взяла на время, – прошептала Рич. – Ничего, выдержала и даже с младшим Ирунгом поделилась на мгновение. Оно, это мгновение, тебя и спасло, баль. Нас спасло.

– Чем же тебе не угодили младшие Стейча? – Зиди не смог сдержать стон. – Ты же все знала! Заранее все знала!

– Нет у меня зеркала Сето, чтобы знать все. – Рич скорчила невеселую гримасу. – Да и зеркало всего не покажет. И не обязательно все знать. Достаточно задумываться чаще, тогда все вокруг понятнее станет.

– И что ж ты поняла? – Зиди оперся рукой о камень.

– Многое, – наклонилась к нему Рич. – Одного я не пойму, как же ты сам такую боль терпишь?

– Да уж не терплю я, – прошептал Зиди и закрыл глаза.

Глава седьмая

Тини сидела в мягком кресле напротив сложенного из неровных камней камина и бросала в огонь пластинки сушеного меда. Они падали на угли, вспыхивали искрами, светлели, затем опадали лепестками и таяли. Цветные языки дыма складывались в туманные образы, некоторые из них тревожили жрицу, она озабоченно хмурилась, но главного увидеть не могла. За дверями послышался предупредительный звон, но Тини не шевельнулась. Две самые искусные жрицы храма Сето следовали за ней по пятам. Они и теперь охраняли ее покой в соседней комнате и никого постороннего пропустить не могли.

– Заходи, Касс. – Жрица наконец отняла ладони от висков.

– В который раз убеждаюсь, что ты видишь сквозь стены! – забулькал довольным смехом старик, осторожно прикрывая за собой узкие створки. – Признаюсь, что эти два дня в Сकोче я не терял даром. Обошел все трактиры, вызнал все новости, теперь можно и в Дешту отправляться. Ты со мной, Тини, или останешься в Сकोче?

– Ты спрашиваешь, мы отправляемся или обождем день-другой? – лениво потянулась жрица.

– Можно и так сказать, прекрасная Тини. – Касс почесал затылок. – Надо ведь еще и омасские трактиры уважить, да и Борка стряпней славится. С другой стороны, в Сकोче Арух появился, а я не жажду с ним встречаться. Похож он, знаешь ли...

– На крысу, – кивнула Тини. – Только ведь о прибытии Аруха с утра уже под моим окном горожане судачат. Эта новость мне известна.

– Всего ты не можешь знать, – хитро улыбнулся Касс. – Но я томить тебя не буду. Новостей у меня и без Аруха предостаточно. Новости, как горячие пирожки, так и выпрыгивают из ладоней! Так вот, чтобы не обжечься, начну с главной. Сыновья Ирунга убиты!

– Когда же произошло это неприятное событие? – равнодушно спросила Тини. – Впрочем, не говори, догадаюсь. Вчера была охота, сыновья Ирунга должны были испить крови. Похоже, они захлебнулись вожденным напитком. Скольких юргимов не пожалел Ирунг для отпрысков?

– Семерых!

– Многовато... Старший сын Ирунга был не слишком ловок с мечом, четырех бы хватило. А что же собаки, егеря?

– В этом-то весь и вопрос! – Касс присел на соседнее кресло. – Егеря сбились со следа, сам Ирунг, бледный как смерть, сейчас в Лассе с Арухом совещается, а я со стражниками перемолвился. Так вот они говорят, что егеря за обманкой пошли. С десяток лиг скакали за ложными Ирунгами, пока те в туман не рассеялись.

– Хорошая магия, – нахмурилась Тини. – Неужели кто-то из высших жрецов Скира решил свести счеты с толстяком Ирунгом? Вроде нет у него среди магов врагов... Точнее, смелых врагов нет. Так надо было им сразу в старика метить, он ведь за сыновей страшной мстью отплатить может!

– Не все так просто, Тини! – Касс рассыпался скрипучим смехом. – Веселые дела в Скире творятся. Поверь мне, такие события просто так не выпадают. Ой, дождемся мы беды, поверь мне, жрица! Уж посмотрелся я разного...

– Толком говори, – оборвала старика Тини. – Что еще вызнал?

– Многое, – стал серьезным Касс и наклонился, зашептал почти в лицо колдунье, хотя уже бросила она в камин ветку синей травы. Пополз по потолку в комнату сизый дымок, скрывая и слова сказанные, и мысли подуманные.

– Двое их было, Тини. – Касс многозначительно поднял брови. – Сначала они одного юргима зарубили, но остальные шесть настигли их на каменной пустоши. Эти двое и лошадей

потеряли, но от шестерки бешеных отбились. А тут как раз Ирунги подоспели. Подоспели и полегли на месте. Неизвестные одежду и оружие их забрали, коней подхватили и исчезли. А знаешь, что оставили?

– Свою одежду, надо думать? – прищурилась Тини.

– Да вот Ирунг тоже сначала подумал, что свою, потому как след взять не смог. Одежда-то и лошади стражников из дома Рейду были! Ирунг только что меч не обнажил, когда герб Рейду увидел на воротах Ласса. Да не врага он в лице здоровяка Ролла нашел, а союзника!

– Отчего же? – не поняла Тини. – Не ровня мудрец и глупец, чтобы союз крепить!

– Так лошадей и оружие дома Рейду Ролл и сам искал, потому как стражники у него пропали. Тела-то их его сотник на краю леса еще вчера нашел, а почти все остальное к нему Ирунг доставил. Одно к одному! – Касс довольно хохотнул. – Теперь Ирунг и Ролл заодно будут, стражники-то убитые освобожденного раба преследовали – хромого Зиди!

– Подожди! – напряглась Тини. – Ты же говорил, что двое их было?

– Двое, – кивнул Касс. – Или я не понимаю ничего, или рабыню купил Зиди перед выездом. Ни кто она неизвестно, ни кто продал ее. Только у ворот Скира ее и видели. Ярмарка-то распозлась уже – ищи теперь продавца. А в рыночной книге запись о продаже имеется. Писец ведь только налог взимает да бирки раздает. Он даже не вспомнил, кто к нему со сделкой подходил. В тот же день земляных орехов нажрался, а они память накрепко отшибают, даже пытки не помогут!

– Не спеши! – остановила старика Тини. – Меня не интересует судьба бывшего раба, тут колдовство важнее. Если Зиди и его рабыня отбились от юргимов и Стейча, да еще егерей с пути сбили, кто-то из них колдовал. Или у нас на рынке уже колдуний высшего ранга продают?

– Баль колдовал! – таинственно прошептал Касс.

– Не может быть, – не согласилась жрица. – Я была в галерее, когда этот хромой роллского выкормыша деревяшкой проткнул. Он не колдун.

– Баль колдовал! – уверенно повторил Касс. – Насчет обманки не знаю, а собак он со следа увел. Магия незатейливая, но точно бальская: наговор с кровью да присказка. Это Ирунг сразу прочитал, иначе проткнул бы Роллу брюхо, не спрашивая ни о чем! Ирунг-то постарше меня будет, но с мечом дружен, точно тебе говорю!

– Это все новости? – Тини вновь откинулась в кресле.

– Ну, – подмигнул жрице Касс, – как сказать! Я, конечно, на медовых стеклах гадать не умею, да и в зеркало Сето заглядывать не приходилось, но порой язык да монетка и без магии могут помочь! Скоча, конечно, городок поменьше Скира будет, так ведь и здесь одних трактиров двадцать штук, постоянных дворов в два раза больше, а уж о маленьких гостиницах на три-четыре комнаты я не говорю! Не считая двух тысяч воинов Скира, в Скоче и своих жителей никак не меньше десяти тысяч наберется. А проезжие, паломники, что торопятся до зимы Суйку посетить? Похоронщики? Арух долго провозится, пока весь городок перетрясет. Здесь его слуги еще не были?

– Сюда его слуги не войдут, – нахмурилась Тини. – Кого они ищут?

– Так сыновей Ирунга и ищут! – воскликнул Касс. – Их ведь многие видели. Они еще вчера мост у Ласса перешли. В полном облачении, кони, доспехи, оружие. Страже еще показалось, что старший, тот, что погрузнее, еле в седле держался – то ли пьян, то ли ранен. Младший все по чину сделал, положенные слова сказал, даже голос вроде молодого Стейча был. На мосту стражники стояли опытные, но ничего не заподозрили.

– Подожди! – Тини поднялась с кресла. – Так ведь они убиты?

– Убиты, – стал серьезным Касс. – Вот убийцы в их одежде в Скочу и пробрались! Тут тоже кое-что произошло. Зря ты отгородилась в четырех стенах. Ведунья одна городская сдохла в собственной берлоге, несколько бродяг на улицах без дыхания отыскились. Впрочем, этих никто и не считал никогда, хвала конгу, не пускает он бродяг севернее Ласса. Но главное

– кони, доспехи и оружие уже найдены! Их сегодня с утра двое голодранцев в деревушке, что на тракте в десяти лигах от Скочи, трактирщику продали. Позарился сквалыга на дешевизну, а теперь проклинает, наверное, голову пустую. Что Ирунг, что Арух просто так ему умереть не дадут, а продавцов-то тех и след простыл.

– Трактирщик-то чем виноват? – не поняла Тини.

– Тем и виноват! – Касс сложил пальцы на животе. – Приведи ко мне любого трактирщика, я всегда скажу, что виноват. А дашь время, покажу, в чем его вина! Но этот трактирщик и без меня по шею в дерьмо вляпался. Его как раз по трактирам сейчас и водят, чтобы бродяг опознал. След-то обратно в Скочу привел! Только бродяги бродягами, а баль с рабыней как сквозь камень ушли. Хваленый Арух след не может взять, Ирунг уже все магические порошки сжег! Уходить надо, Тини, – не люблю я обозленных колдунов.

– Кто ж их любит? – Жрица задумалась, вновь бросая в камин пластинки. – Сегодня и уйдем. Не боишься, Касс, что в дороге этот баль и нас... как сыновей Ирунга? Дорога-то в Дешту одна, через Омасс и Борку! И узкая местами, не разойдешься.

– Да ну тебя! – расхохотался старик. – Даже если бы у меня не было моего отряда, с твоими ведьмами я без опаски мог бы и до храма Сето прогуляться! Хотя, признаюсь, мороз по коже иногда от одного их вида пробирает. Говорят, что с ними никто сравниться не может, разве что жрецы храма Сади, которыми Ирунг управляет?

– Жрецы храма Сади слабее моих девчонок, – прошептала Тини. – Если не считать наставницы одной... Ну ладно. А ведь не все ты мне рассказал, Касс.

– Что ж еще? – не понял старик.

– Сестры! – окликнула Тини охранниц. – Готовьте лошадей, уезжаем немедленно! А Седд? – обернулась она к Кассу. – Неужели он выпал из числа желающих поквитаться с хрым баль?

– О Седде ничего не слышно, – пожал плечами тот.

– Вот он, скорее всего, баль и настигнет, – нахмурилась Тини.

Когда башни Ласса открылись перед глазами спутников от выдолбленного в камне рва до зубцов, Зиди уже едва держался в седле. Нога не просто болела, она пылала пламенем. Боль выбралась из колена, протянула щупальца и ковырялась в животе и скребла кости стопы. Стиснув зубы, чтобы не завывать, баль как в полусне правил конем позади Рич и был готов не только схватиться со стражей, но и прыгнуть с моста в бурные воды Даж, чтобы охладить в ледяных струях горящую рану и помчаться бездыханным трупом через последние пороги к близкому морю.

Но стража не выказала никакого желания схватываться с богатыми всадниками. Один из охранников, кутающийся в плащ и дышащий на замерзшие руки, окликнул проезжающих, и Рич неожиданно откликнулась не своим голосом. Стражник с почтением поклонился, Рич взмахнула рукой, и Зиди снова направил коня вслед за ней, с трудом выпустив поводья из скрученных судорогой пальцев и приветственно помахав страже.

Крепость осталась за спиной, в глазах у баль помутилось. Он уже с трудом разбирал узкую мостовую, взбирающуюся между двухэтажными, напоминающими крепостные стены домами к украшенному заостренной кровлей местному храму Сади, да редких прохожих, каждый второй из которых казался ему стражником Скира. Рич несколько раз направляла лошадь в какие-то проездные дворы, и вскоре перед глазами Зиди замелькали только грязные переулки, мостовую на которых заменяли высохшие помои, овощная кожура и ореховая скорлупа.

– Здесь, – наконец глухо бросила в сумраке девчонка, подъехала к баль и, брезгливо поморщившись, стянула с него шлем Стейча. – Хочешь или нет, но ты должен сжевать этот корень. Я не справлюсь, если ты свалишься сейчас.

Зиди втянул горький запах, прохрипел чуть слышно:

– Это же корень злобоглаза. Яд. Избавиться хочешь?

– Дурак! – побледнела Рич. – Жуй. Яд в твоей крови. Слюна юргима! Только этот корень и может ее выжечь.

Зиди безразлично кивнул, сжал зубами глянцевый корешок, почувствовал на языке крошки земли. Все правильно, и четверти дня не прошло, как Рич вырвала растение из земли. Только такой и подействует – невымытый и свежий. Правда, не знал он, что этот корешок от крови юрга помогает. Осталось только расспросить, когда девчонка успела к траве наклониться, как разглядела среди бурьяна тонкий стебель злобоглаза, если свои жгучие цветы он только весной раскрывает. Кто обучил девчонку травам? Впрочем, какая разница?

Баль жевал кислый корень и чувствовал, как холод скользит от наполненного вязкой слюной рта к локтям и животу. Возвращает пальцам мягкость, растворяет когти, скребущие в потрохах, ползет к коленям. Рана, разрывающая сердце болью, вдруг охватила все тело, словно стальной стержень шевельнулся в пронзенном насквозь колене, и медленно-медленно начала затихать.

Слезы хлынули из глаз. Зиди раздраженно мотнул головой, царапая щеки кольчужной перчаткой, размазал по щекам грязь и оглянулся. Рич в седле не было, кони стояли в полумраке узкого дворика между ветхой каменной стеной и вросшей в землю хижиной, сложенной из стволов горной сосны. Тут же хрустел сеном и неодобрительно поглядывал на незваных гостей низкорослый тягловый бычок. Скрипнула низкая дверца, и вслед за Рич на пороге показалась худая старуха. Она одним взглядом окинула обеих лошадей, Зиди и приглушенно свистнула. Похожий свист раздался из-за стены, но старуха уже подхватила поводья лошади баль и тянула его вниз, к земле.

– Помогай, помогай, сестра, – раздался скрипучий голос. – Так... так, парень. Осторожно!.. Какая нога болит? Левая?.. Спускайся. Доспех здесь сбрасывай. Под крышей у меня не развернешься... Я правильно поняла, сестра, что и доспехи тоже? Так и ты снимай, не бойся, никто под плащом тебя не увидит.

Зиди тяжело сполз с лошади, встал на землю, но против ожидания боль не пришла. Только что-то стучало, ухало в неоощуяемом колене, и это уханье болезненной ломотой отзывалось в ушах. Он почувствовал крепкие пальцы, что уже начали распускать узлы нагрудника, потянули пояс с дорогим мечом. Но вместо того чтобы помочь неожиданным спасителям, ухватился за притороченные к седлу мешки.

– Ну что ты поделаешь? – зло проскрипела старуха. – Одной ногой уже в Суйке, а за мешки хватается! Не пропадет твое добро, воин, не бойся!

«Врет», – почти безразлично подумал Зиди, бросил связанные мешки перед собой и для верности наступил на них больной ногой. Рядом уже стояла Рич. Она смотрела на суетящуюся старуху, на две помогающие ей неясные тени, тревожно заглядывала в глаза Зиди и заговорила, только когда и доспехи, и оружие, и лошади исчезли в сумраке:

– Иди в дом. Это ведунья. Сейчас займемся твоей ногой. Держись. Утром ты уснешь и будешь спать до вечера. Или еще дольше.

Баль кивнул, чувствуя, что сок корня заполнил рот, связал небо и язык, лишил его голоса, но неожиданно легко наклонился и, подняв мешки, шагнул в низкую дверь.

Хижина изнутри оказалась просторной, но в ней и правда развернуться было негде. Посередине пылал очаг, над которым исходил паром котел, а все остальное пространство было заполнено деревянными чурбаками, бочками, кувшинами и кувшинчиками. Под закопченным потолком висели веники и пучки душистой травы, в ближнем углу высилась гора обычных придорожных камней, а прямо перед очагом лоснился сальной поверхностью потемневший от времени деревянный стол. Несколько масляных ламп отбрасывали мутные блики на затянутые паутиной стены.

– Сюда, сюда, сестра! – безостановочно скрипела старуха. – Вот уж не думала, что вспомнят в храме заблудшую. А я уж птичьи кости кинула, вижу – то ли удача ко мне идет, то ли смерть неминуемая. С утра глаза на дорогу таращила, но сестру встретить не ожидала!

– У меня мало времени, – твердо сказала Рич, давая знак Зиди оставить мешки.

– Мало, много... – еще громче запричитала старуха. – Как всадник ни торопится, но быстрее коня до места не доберется. Все сделаем, сестра. Рану прочистим, боль снимем, яд из крови выгоним. Сорок лет болячки ковыряю, что знала – не забыла, а что узнала, применю к месту и вовремя. Не бойся меня. А ты, парень, ложись на стол, ложись. Ты уж не обижайся, ремешками я тебя к столу притяну. Тебе до полуночи уже дергаться не следует! И стыдиться меня не надо, у меня на твой стыд и взгляда стыдливого не осталось. Нутро у меня от времени почернело давно и ссохлось.

«Рептянка». – Зиди наконец узнал скрипучий говор мореходов из-за скирских гор и, опрокидываясь на спину, поморщился: – «Но почему – сестра»?

Рич, хмуро сжав губы, суежилась тут же. Она ловко сунула под голову старому воину мешки, стремглав выудила из-под куртки кошелек с золотом и отправила его туда же, а пока бабка распускала завязки на куртке и штанах, стянула сапоги и незаметно вложила в ладонь Зиди уже послуживший ему короткий нож.

– Зачем же? – с трудом вытолкнул слова через непослушный рот Зиди, когда почувствовал, что каменные пальцы соскабливают с него всю одежду без остатка, но старуха только разразилась скрипучим смехом и продолжала талдычить без остановки:

– Успокойся, парень, успокойся, и не таких на колени клала. Что ж ты, голубчик, ногу свою запустил? Лет пятнадцать назад лечить надо было, а теперь отрезать проще, чем вылечить! Но ты не бойся, я резать не буду. Сгибаться она уже у тебя не согнется, но опираться на нее ты еще сможешь не один год, если, конечно, боги тебя заботой не оставят. А в остальном у тебя полный порядок. Корешок тебе сестра моя правильный дала. Заразу он из тебя выгонит, а вот промыть тебя отварами моими всего придется, чтобы какая другая зараза не пристала. Да ты не отворачивайся, сестра, не отворачивайся, когда-нибудь все одно придется воина врачевать, тут уж не до стыда. Да и чему удивляться-то? Всякий – что маг, что ведун, что ворожея, что колдушка деревенская, – должен и мужское и женское естество в совершенстве представлять. У женщин так половина болезней от него происходит, а у мужиков – половина страхов.

– Что делать собираешься? – спросила Рич у старухи, накидывая на чресла Зиди снятую с него рубаху, и щелкнула пальцами у балы перед носом.

Искра проскочила между пальцами девчонки. Старуха губы поджала, прищурилась и недовольно пробурчала:

– Что надо, то и делать буду. Или не видишь? Налей-ка лучше кипятка черпаком в этот горшок. Сейчас травы да соли всякие смешаю, чтобы рана быстрее заживала, да зашивать ее буду. Вот игла, вот жилка беличья. Вот нож стеклянный, в уксусе выдержанный. Или тебя в храме только на послушании держали? Знать должна!

– Знала бы сама, тебя не просила бы, – сузила глаза Рич.

От щелчка девчонки у Зиди в голове словно что разорвалось, туман из глаз как ветром сдуло. В носу защемило, но каждый звук, каждый скрип у самого уха слышался. Только Зиди взгляда не мог от девчонки отвести. От того, что брови да ресницы ее цвет потеряли, глаза словно еще больше стали. Волосы Рич забрала в пучок, стянула платком на затылке, кипятка в горшок начерпала, но взгляда от старухи и на миг не отвела. Даже когда дверь скрипнула и рядом раздались сильные голоса:

– Все сделали, мать.

– Да. И коней и железо – все покупателю сдали.

– Предупредили, чтобы гнал их срочно из Скочи. Кровь на товаре.

– Кто таков? – с подозрением спросила старуха.

– Пришлый, – прозвучало от дверей. – Трактирщик поручился за него, он у него не первый раз останавливается. При нас и отбыл. Весельчак и шустрый к тому же. Шрам у него поперек щеки.

– За сколько столковались?

– За десяток серебра.

Зиди не видел вошедших, догадывался, что это те тени, которые лошадей Стейча увели. Но обернуться не пытался, на старуху уставился. Изменилась она сразу, как помощники ее появились. Говорить стала меньше и резче, а в глазах слова невысказанные засветились. Готовьтесь, ребята, скоро.

– Что в горшок кладешь? – резко, как хлыстом ударила, спросила Рич.

– Травы кладу, травы, сестра! – засуетилась старуха.

– Зачем листья майчу с толченой паутиной мешаешь? – обожгла окриком Рич. – Спутника моего уморить хочешь?

– Ты же неученая? – изогнула беззубый рот колдунья и неожиданно выставила перед собой ладони с растопыренными пальцами.

Заклубилась, затрещала перед ней темная пелена. Топот раздался за изголовьем Зиди. К счастью, ремни его только в поясе и держали. Первый из понятливых слуг, что к Рич летели, на выставленную руку с ножом наткнулся. Так и захрипел, пытаясь брюхо расползающееся удержать. Второй замер на мгновение, но его и хватило, чтобы успел Зиди варевом старухиным из горшка ошпарить ему лицо. А старуха все еще тянула ладони к Рич, но пелена перед ней не складывалась в черный полог, на части рвалась, рассеивалась, хотя девчонка и с места не двинулась, только ладони перед грудью сложила.

– Не можешь ты со мной сладить, не высшая ты! – вдруг завизжала старуха, но Рич лишь руки раскрыла, как вся мерзость полусотканная на старуху и бросилась, затянула ее в темный кокон, переломила пополам и, только когда ведьма хрипеть перестала, в земляной пол хижины впиталась.

– Кто ты? – только и смог выдавить старый воин, когда Рич вытащила стилет из ворота и двумя резкими ударами прикончила обоих визжащих на полу подельников.

– А тебе зачем? – смахнула пот со лба девчонка, наливая кипятка в другой горшок.

– Ведьма эта тебя сестрой называла, – с трудом произнес Зиди. – На стилете у тебя клеймо Ирунга – кольцо змеиное с тремя пастями. Чем тебе Стейча досадили? Что-то я не слышал, чтобы у них сестра была. И не убивают сестры... братьев. Да и с ведьмой ты ловко управилась. Прямо хоть не ты мне, а я тебе за дорогу плати!

– Не сестра я ей, – зло бросила Рич, сдергивая с балки пук сухой травы и срывая с него ладонью в горшок высушенные листья. – И Ирунгу я не дочь. А кому я дочь, тебе знать не следует. Меня к Ирунгу на воспитание отдали, а он меня в храм Сади послушницей определил. После того как его сыновья вдоволь наигрались плетками по моей спине. Не будь я тогда ребенком беспомощным... Ничего, храм меня многому научил. Я бы и сейчас там лампы масломправляла, если бы...

– Лампыправляла? – не поверил Зиди. – Я, конечно, не маг, но проклятие, что старуха плела, не из тех, что пальцем можно отщелкнуть.

– Пальцем не пальцем, а кое-что умею, – ответила девушка, продолжая наполнять горшок порошками и листьями. – У кого глаза да уши есть – учится, у кого нет – лампыправляет. Эта колдунья когда-то служила в храме. Еще задолго до меня. Но я всех знаю, кто в храме служил. В Скире, в Скоче, в Омассе, в Борке, кое-кто и в Деште есть. Любая из них должна приютить сестру, помочь ей.

– Слышал об этом обычае, – кивнул Зиди, закрывая глаза от нахлынувшей слабости. – Так ведь эта сестренка что-то другое задумала.

– А она мне сама и не была нужна, – усмехнулась Рич. – Она – грязь, мерзость. Думаю, что под этим полом немало ею же убитых схоронено да утопано. О том слухи в Скир давно доходили, да поймать ее никто не мог. А стражники местные так и вовсе ее боялись. Я все поняла, когда она проклятие плести начала, да только за силой она к покойникам ею же убитым обратилась. Такое колдовство на колдуна обернуть – нечего делать.

– В наших лесах такой магии нет, – пробормотал баль.

– Вот там ты свое умение и покажешь, – бросила юная колдунья. – А сейчас тебе потерпеть, воин, придется. Лечить я тебя собираюсь. Я ведь сюда не за ворожкой пришла, а за травами. С лечением я и сама справлюсь.

– Послушай, – Зиди с тоской оглянулся, поправил съехавшую ткань внизу живота, – нет ли тут вина или травы какой, чтобы боль заглушить? Очень я боли боюсь!

– Нет вина, – покачала головой Рич. – И травы нет. Ты мне с ясной головой нужен, баль. Ты мне помогать будешь. Рану резать придется, и, боюсь, не только рану. Ты и будешь резать. Заодно и проверим, чего ты стоишь.

– Пятьдесят золотых я стою! – прохрипел Зиди. – За дорогу до Дешты. Не веришь? Точно тебе говорю!

Глава восьмая

Мутные стекла обеденного зала Ласса жалобно дребезжали.

– Ну?!

Арух не просто кипел яростью, он готов был собственными руками придушить испуганного сотника.

– Что молчишь? Толком можешь объяснить? Сколько всего трупов сейчас за казармой твоей свалено?

– Шестеро, господин советник! – пролепетал грузный стражник, понимая, что чем тише говорит остроносый колдун, тем хуже дела у него, у сотника.

– А сколько их было с утра? – почти ласково улыбнулся Арух.

– Пятеро, – поник головой стражник.

– И откуда, позволь тебя спросить, взялся шестой? – поднял брови колдун.

– Как откуда? – беспомощно огляделся начальник стражи. – Так я его туда и привел.

– Уже трупом? – зловеще ухмыльнулся Арух.

Стражник сменил цвет лица с красного на мертвенно-бледный.

– Подожди, Арух, – медленно проговорил Ирунг, который сидел тут же, на каменной скамье, опустив седую голову. – Подожди. Тут злость не нужна. Злость это ведь пена, которая поднимается, когда боль или досада волной захлестывают. Это я должен злиться, а не ты. Я! Только я не злиться собираюсь, а разбираться, потому что иначе убийц не возьму.

– Куда они денутся? – скривился Арух. – Пусть даже из Скочи уже ушли! Омасс перетряхнем, потом в Борку и Дешту двинемся. Другой дороги отсюда нет. Если и улизнут здесь, Борку никак не минуют, а там стража на мосту уже утроена! Через горы зимой и медведь не проберется, а в море сейчас не выйдешь. Мои маги всю дорогу прочешут. Сквозь пальцы ее просеют! Я в Скоче не убийц ищу. Пособник у них тут остался. Или был в Скоче только что!

– И его возьмем, – хмуро кивнул Ирунг. – Подожди. Сотник, расскажи мне все еще раз.

Стражник дрожащей рукой вытер мокрый лоб, вздохнул устало:

– Легче, пресветлый тан и маг Ирунг, десять бал в прямом бою зарубить, чем рассказывать. Я ж все делал, как велено было. Мы же с этим трактирщиком деревенским, что коней... ваших купил и доспехи, значит, все заведения обошли, никого он не признал. Тогда вот и решили за казармы отправиться, там трупы найденные лежали. Ведунья из охотничьей слободки и четверо бродяг. Ведунью-то еще утром в ее же сарае нашли. Видать, собственным колдовством на себя смерть накликала, аж скрутило всю. А остальные по улицам были разбросаны. Двое воров – тоже из охотничьей слободки. У одного брюхо распоротое, да дырка в груди, то ли от шила, то ли от стилета. У второго рожа ошпарена и такая же дырка в груди. А еще двое – пьянь с ткацкой улицы. Им обоим кто-то под гортань ножом пырнул.

– Что скажешь, Арух? – повернулся к колдуну Ирунг. – Твои дознатчики смотрели трупы?

– Тирух смотрел, – зло мотнул головой Арух. – Старуха в самом деле от собственного колдовства погибла, только на себя ворожила или кто под локоть толкнул – теперь уже не визнаешь. В сарае ее вроде бы и не пропало ничего, да вот ее соседка говорит, что чисто так у отброса этого и не было никогда. И двое тех, что с дырками в груди, тоже вокруг ведьмы вечно крутились, а нашли их на выезде в сторону Омасса! Тирух точно говорил: в другом месте их убили, просто выбросили по дороге. И повозка с бычком у старухи пропала!

– Это уже что-то, – кивнул Ирунг. – Что с теми, у которых горло посечено?

– Не в упор били. – Колдун опустил голову. – Если судить по ранам, нож шагов с десяти метнули. Два ножа. Потому как трупы рядом валялись. Понятно, что когда их нашли, ножей в ранах уже не оказалось.

– Мнится мне, что-то похожее в Скире недавно было? – нахмурился Ирунг. – Твои люди занимались убийством палача, Арух?

– Мои, – кивнул тот. – Только не нашли они ничего. Одно ясно, нож этот – бальский. В Скире за своего колдуна лазутчики баль отомстили. Хотя мстить-то Седду надо было или мне. Только палача не Зиди убил. В тот день по приказу Креча Зиди как раз плетью секли, потом под замок посадили. Не он это сделал.

– Тогда не он, а теперь, может, и он, – пробормотал Ирунг. – И что же дальше, сотник? Как вы трактирщика потеряли?

– А вот так и потеряли! – расстроенно махнул рукой стражник. – Сотни шагов до казармы не дошли. Как раз по кузнечной улице подходили. Народу не так чтобы много было, но прохожих хватало. Сейчас же по улицам пришлые торговцы да ремесленники бродят. Они с ярмарки скирской возвращаются, прибыток в трактирах пропивают. Их по всему городу во всякой подворотне по одному, а то и по десять. Я и говорю. Трактирщик шел, бормотал что-то, а потом замолчал, захрипел и... упал. Я и не сразу-то понял, в чем дело. А потом кровь хлестанула. Ему нож под ухо по рукоять вошел. Впрочем, какая это рукоять? Бобышка железная в два пальца шириной. Если бы кровь не пошла, я бы рану не сразу нашел.

– Лучше бы ты ее не искал! – прошипел Арух. – Нож выдернули, в крови вымазали, потом еще протирать стали. Вы бы еще помочились на него! Никакой маг теперь след не возьмет.

– Маг, может быть, и не возьмет. – Ирунг, закрыв глаза, начал раскачиваться из стороны в сторону. – Только искать-то мага надо, неужели не ясно?

– Не маг этот баль! – твердо сказал колдун. – В чем-чем, а в этом я уверен.

– Он-то не маг, – мертвенным голосом подтвердил Ирунг. – А вот та, что с ним, кое-что может. Послушница она из моего храма. Ты иди, сотник. – Маг повернулся в сторону стражника. – Нож этот у тебя? Так вот, весь город переверни, но отыщи похожие ножи. Таких ножичков у лазутчика никак не меньше десятка должно быть. А продавцов коней хватит искать, это те двое с дырами в глотках и есть. Ты, дружок, разузнай, где они время проводили, да расспроси там плотненько каждого. Конь не пряжка для ремня – из кармана не вынешь, медью не расплатишься. Что-нибудь, да разузнаешь. Иди, сотник.

– Подожди! – неуверенно проговорил Арух, когда обрадованный стражник исчез. – Что значит – послушница?

– То и значит, – потер виски Ирунг. – Не рабыня она, Арух, нет. Ярлык тот, что Зиди на воротах предъявлял, не фальшивый. Но рабынь в тот день на рынке было двенадцать продано, и все они на месте. А сделок оформлено тринадцать... Думать надо, думать. Вопросов много. Знаешь ли ты, что когда Седд заполучил Зиди у баль, Эмучи назначил воина предсмертным слугой?

– Слышал я о Зиди. – Арух опустился в кресло. – Только не о том ли мы пеклись, когда Седда к баль посылали, чтобы лишить лесной народ и этого и последующих жрецов? Как Зиди обряд выполнит? Да он уже забыл о том за восемнадцать лет, вином залился! Ведь и Эмучи не на алтаре дух испустил. Сожжен колдун, до костей сожжен. Я лично все кости пересчитал и отследил, чтобы растолкли их в пыль и с маяка скирского ветром по морю развеяли. Не будет у баль нового колдуна!

– Может, и не будет, только Зиди на родину побежал, – пробормотал Ирунг. – Не верю я Тини, Арух. Своевольная она слишком. И вот не знаю: на тебя положиться, Арух, и дать Зиди до алтаря Исс добраться, чтобы проследить тайное место и от своевольной Тини не зависеть, или остановить баль? Пока думаю, что остановить надо. Тревожно мне что-то!

– Так в чем же дело? Объясни мне, дорогой Ирунг! – нахмурился колдун. – В чем тревога твоя?

– Муравьиный мед для обряда на алтаре нужен, – вздохнул Ирунг. – Нашел твой Смиголь запись об этом в одном свитке.

– Да пусть хоть обмажется медом с головы да ног! – прошипел Арух. – Нет Эмучи, и обряда не будет! Зря Зиди старается. И зачем он мед в Скире скупал – если, конечно, это он был, – коли баль его в Скир поставляли когда-то?!

– Нет меда в бальских лесах, потому что Эмучи уже года два как перестал ворожить на него, – спокойно сказал маг, словно и не брызгал советник конга слюной только что, и продолжил: – И это тоже загадка, Арух. Как и та, кто же все-таки мед для Зиди в Скире выторговывал? И вот еще: тебя не удивило, Арух, что я ищу Зиди, ты его ищешь, Ролл зубами скрипит, а Седд словно забыл обидчика? Или ты думаешь, что у него гордости мало? Да его гордости на всех нас хватит!

– Седд просто так ничего не делает, – напрягся колдун.

– Подумай об этом, – мрачно бросил Ирунг. – О муравьином меде. О скользкой магии. Об искрах в глазах. Ну, ты мне об этом после расскажешь, а пока меня послушай. На первый взгляд вроде все просто выходит. Зиди – освобожденный раб, которому крупно повезло на празднике, собрался домой. Ехал бы и ехал, даже если он в алтарь уткнуться носом решил. Да, Седд и Ролл просто так его бы в покое не оставили, но с умом от наших доблестных танов уйти можно. С другой стороны, хром Зиди. Но лошадь не купил – у Ярига на вечер занял. Зачем Зиди рабыня? Непонятно. Однако все на места встает, если это не рабыня, а вольная сайдка. Девчонка, может, и не древнего рода, а все ж не требуха свинья. Заплатила она Зиди, чтобы тот ее из Скира вывел, баль ее и взял.

– Заплатила? – нахмурился Арух. – Бывшему рабу? Хромому баль, которому и собственную-то шкуру спасти не удастся?

– Вот тот вопрос, на который у меня нет ответа, – пробормотал Ирунг. – А если что-то непонятно, значит – глубже копать надо. Это уж ты запомни, дорогой Арух. Садись и связывай в голове все, что в Скире творится. Внезапное появление во Вратах справедливости Зиди, казнь Эмучи, скользкую магию, муравьиный мед, смерть палача, ведьмы, бродяг и трактирщика, бегство послушницы моего храма. Смешивай, да нитку тяни. Как все это в одну нитку вытянется, так все понятно станет. Седд Креча скоро здесь будет. Он ведь тоже не баль, а девчонку ищет. У этой послушницы рабыня была. Пытали ее, да неумело. Умелый-то палач не так давно сам нож метательный горлом поймал, не так ли? Руки отрубили по локоть этой рабыне и решили, что можно и позабавиться с ней. А она в себя пришла и сумела волос крашенный прикусить, да и сдохла к собственному облегчению. Так что палачи толком и не узнали ничего, кроме того, что Зиди алтарем Исс поклялся, что доставит послушницу к тетке в Дешту. Раз поклялся, значит, доставит, Арух. Поверь мне. Клятва баль крепче камня.

– Но не крепче скирской стали! – процедил сквозь зубы колдун.

– Это точно, – кивнул Ирунг. – Осталось только выяснить, куда он ее доставит, если тетки у нее в Деште нет. Пока нет... Что ты о Яриге скажешь, Арух?

– Что я могу о нем сказать? – нахмурился колдун. – Я через него всю погань городскую в руках держал. Он и о Зиди мне с самого начала все рассказывал. Тот ведь еще до схватки на арене закуток у Ярига снял, но смысл этого мне лишь потом ясен стал!

– Да, – кивнул Ирунг. – Яриг ничего не скрывал. Вроде бы ничего. Хотел и Седд с ним потолковать, только нет уже одноглазого. Исчез. Якобы за снедью по деревням отправился. Но отчего-то отписал все хозяйство на сына. А сын-то у него приемный, Яриг его в порту когда-то подобрал. Выложил новый трактирщик, что знал – сразу, да знал немного. Руки рубить ему не пришлось. Твой Смиголь помог, кстати, – все из парня вытряс. Оставили мы младшего Ярига пока при трактире. Он не хуже отца названного на брюхе перед стражей ползать станет. А свой человек в северных кварталах Скира нам все одно нужен. Кстати, послушницу мою он с Зиди у постоянного двора не видел. Я уж подумал было, что расстались они после выхода из Скира... Ты, Арух, Ярига тоже в общую кучу клади. Я уже дал команду, чтобы выглядывали его на тракте. И про муравьиный мед не забудь. Твой Смиголь уже все манускрипты перелистал, а

еще кое-что, кроме обряда на бальском алтаре, не заметил. Муравьиный мед не только боевые раны лечит. Он ведь и магические раны исцеляет. Мало того, намажь им заговоренный клинок, и ножны не понадобятся. Никакой колдун смерть не разглядит, не выворочит, пока сталь ему горло не посечет. Вот почему не ты, не я увидеть послушницу мою и баль хромого не можем. Мед их прячет!

– Порази меня молния! – прошептал Арух. – У них там столько меда, что можно тысячу колдунов вымазать! Что же делать?

– А что делали, то и будем, – откликнулся маг. – Только вот что еще: из Скочи-то не одна, а две дороги на юг выходят. Вторая на Суйку идет. Пошли туда Тируха. Я слышал, он неплох?

– Смиголь и Айра лучше, но и Тирух не подкачает, – пробормотал Арух. – Айра при мне пока. Ну отправлю я в Суйку Тируха, только что там делать? Дорога оттуда к Борке, может, и есть, да только никто его не пользовался никогда. Я бы и то без особой нужды не рискнул забрести в город умерших.

– И я бы не рискнул, – согласился Ирунг. – Если бы смерть за мной по пятам не шла. Посылай туда Тируха и дай ему с собой десяток стражников из тех, что посмелее. А Смиголь твой с Седдом прибудет скоро, нечего ему в Скире пыль книжную глотать. – Маг встал. – Ты на меня не обижайся, я твоим колдуном распоряжаться не буду, он в твою власть поступит. Да вот только зимы спокойной у нас не будет в этом году. Димуинн, как ты знаешь, в Дешту собирается, на переговоры с послами соседей наших. Заодно и следить будет, как мы убийц моих сыновей ловить станем.

– Димуинн, Седд... – пробормотал Арух. – Не просто будет нитку из этой кудели вытянуть. Хорошо еще, что с муравьиным медом чуть яснее стало. Что же за клинок они им намазали? И если этот клинок – та самая послушница, чем она так хороша? Не жрица все-таки?

– Не жрица, – согласился Ирунг. – Только силы ее истинной даже я не знаю. Она как раковина закрытая. Ни отблеска наружу не выходит. Может, пустышка, а может, сокровищница. Я ко второму склоняюсь. Если сокровищница, так та обманка, что егерей от моих сыновей увела, для нее забава пустая, не больше. К счастью, обучение настоящей магии она точно не проходила, а вполглаза даже в храме Сади много не нахватаешь. Сейчас у нас вся надежда на хромоту Зиди да на непроходимость Борки.

– В Омассе ее возьмем! – скрипнул зубами Арух. – А если она через Суйку пойдет, то и сама оттуда не выберется.

– Не уверен! – Ирунг медленно поднялся. – Поспешить нам надо. Закончить это все, пока Димуинн терпение не растратил. Он в этом деле лично заинтересован. Из-за него девку живой придется брать.

– Это еще зачем? – сдвинул брови колдун.

– Димуинн хочет ее наложницей сделать.

– Зачем ему служба храмовая?

– Служка? – Ирунг усмехнулся. – Я ведь опекун этой службы, Арух. Той самой, что моих сыновей Зиди помогла убить. В детстве сыночки мои вдоволь поиздевались над нею. Да вот не верится мне, что только из-за мести она из Скира вырвалась. Я бы кожу с нее содрал, пусть даже чище и прекрасней этой кожи нет в Скире. Я бы глаза ей выколол, пусть нет прекраснее ее глаз! Но придется право на это Димуинну уступить.

– Подожди, – оторопел Арух. – А чьей же она крови? Кто отец ее?

– А кто бы ни был, Арух, будь она проклята! – прошептал Ирунг. – Одно скажу: не хотел бы я, чтобы ее отец узнал, что у него есть дочь!

– Разве вольная сайдка может родить ребенка без признанного отца? – не понял колдун.

– Может, если она сестра жрицы храма Сето, – обернулся в дверях Ирунг. – Беглянка саму Тини теткой числит. А Тини очень сильна. Я бы с ней в магии тягаться не стал.

– Я слепец! – прошептал Арух. – Тини ведь здесь, в Скоче! Значит, она племянницу от Димуинна хочет спасти?

– Было б так, столько вопросов не возникало бы! – бросил маг. – Может быть, от Димуинна, а может, еще от кого. Или для кого-то. Можешь считать, что Седд тоже не просто так о балъ на время забыл. Можешь считать, что он тоже не отказался бы от такой наложницы. Или от жены. Пора дому Креча наследников заводить!

– Эта девчонка что, без платка по танским дворам бродила, если и Димуинн и Седд ее видели? Неужели она так красива, что и конга и главного соперника его ослепила?! – Арух почти кричал. – Не следует ли за тетку ее взяться?

– Не твоя это забота, колдун! – оборвал его Ирунг. – У нас и без Тини будет о чем поговорить. Забудь о ней, если собственная жизнь дорога. Ты делом пока займись. О Тини много не думай. По мне, так, если она за племянницу старается, это мелочь. Не это главное, а что со Скиром будет! Тини не предаст – мы кровь мешали, если ты помнишь. Да и позаботился я о ней – Касса приставил. А более хитрого и пронырливого сайда в Скире нет. Тини вроде бы пока не замешана в этом вареве, но ты ее тоже в кудель вплетай. И себя, и меня, и конга... Вплетай и нитку сучи. И я о том же думать стану. А девчонка красива, признаюсь тебе. Нет краше ее в Скире, Арух! И без платка она не ходила, но видел ее не только Димуинн – еще кое-кто. Тут уж сыновья мои постарались.

Зиди не уснул и под утро. Точнее уснул, но сон был прозрачен, как горный хрусталь, и балъ смотрел во все глаза через его грани, не в силах отделить реальность от видений, прошедшее от будущего. То ему казалось, что он поднялся к серым холодным облакам и видит далеко внизу на узкой дороге бычка, запряженного в старухину повозку, которой управляет рыжая, почти седая шуплая фигурка. И грузом этой повозки, укрытой серой тканью, служил именно он, Зиди. «Куда ты везешь меня, незнакомка?» – силился крикнуть балъ, но голос отказывал ему, а невидимые крылья не позволяли спуститься. Но когда возница вдруг поднимала голову, Зиди узнавал Рич, ужасаясь ее морщинам и погасшим глазам столетней старухи. «В Суйку я везу тебя, балъ», – хрипела Рич, и Зиди начинал бить крыльями и кричать, что ему еще рано в город умерших. «В самый раз», – отвечала Рич. «Неужели я уже умер?» – бился на ветру Зиди. «Умрешь, обязательно умрешь», – повторяла Рич. – Недолго осталось. Как доберешься до конца жизни, так и умрешь». «А где муравьиный мед?» – пугался неизбежности Зиди. «Со мной он», – отвечала Рич. – Я смажу им твое тело перед погребением, чтобы тлен не коснулся его». «Не смей! – кричал в ответ Зиди. – Я должен вылить его на алтарь Исс!» «Зачем?» – спрашивала Рич, но тут накатывали серые облака, ломали Зиди крылья, с размаху ударяли его о землю, и он приходил в себя вновь на столе колдуни.

Старуха и ее слуги все еще валялись где-то в ногах Рич, но девчонка сама казалась страшнее старухи и одновременно прекраснее себя самой в тысячу раз. Смазанные муравьиным медом волосы мокрым лошадиным хвостом лежали у нее на груди, глаза горели безумным огнем. Зрачки увеличились, опрокинулись пропастями, заполнили глаза без остатка, и в глубине их черных зеркал вспыхивали искры – зеленые, красные, желтые. Мерцали хоро- воды огоньков. Или это отражались масляные лампы старухи? Почему они отражались? Они же должны были тонуть, гаснуть в этих глазах, как тонет Зиди, как гаснет его разум.

И он утонул бы без остатка, если бы не жгучая боль в руке. Не в ноге, не в колене, а именно в левой руке, которая почему-то была пригвождена стальным стилетом к дощатому столу. «Зачем это?» – шептал деревянными губами Зиди. «Чтобы ты держался, чтобы не утонул», – неслышно отвечала Рич. «Я умею плавать», – недоуменно отвечал Зиди, чувствуя, как жгучая боль вонзается в его ногу, но не может заглушить огонь в пронзенной руке. «Нет, – спокойно отвечала Рич. – В этих водах ты утонешь без меня. Только и я без тебя не справлюсь, поэтому помогай мне».

И Зиди вдруг понимал, что он сидит перед юной колдуньей и опирается на пронзенную стилетом руку. Но Рич не смотрит на руку, не смотрит на его наготу, а рассекает стеклянным ножом вздувшееся колено и начинает выскабливать оттуда гной. Зиди тонет в волнах невыносимой боли, но пламя в пронзенной руке вдруг оборачивается крепкой веревкой, и он выбирается по ней из волн и помогает Рич – сдавливает свободной рукой распухшую плоть, промывает рану зеленым варевом из горшка и тупо смотрит, как его спутница рассекает здоровую кожу на икре. «Что ты там хочешь найти?» – спокойно спрашивает Зиди, потому что не чувствует боли. Боль и так уже захлестнула его с головой, больше ее быть не может. Ни капля ее, ни река не переполняют море страданий, только огненный жгут, пронзающий ладонь, все еще мечется в волнах. «Ничего», – отвечает Рич, отсекает от раскрытой плоти какие-то волокна и тоже промывает их зеленым варевом. Костяная игла мелькает в ее руках, отсеченные волокна прикипают к раскрытому колену, в котором среди истерзанной плоти и кровавой росы белеет кость, и приходит новая боль.

Она больше любой боли. Если вся прошлая боль казалась бескрайним океаном, то эта боль – скалы, поднимающиеся из его бездны. Она вытягивает Зиди в плоский жгут и медленно наматывает его на шипастый вал. Но он не может ни улететь, ни утонуть, потому что его ладонь прищиплена к деревянному столу, и этот якорь не сдвинет с места ни одна буря. «Только не кричи», – устало шепчет Рич, смазывая беличьей жилку муравьиным медом, и Зиди начинает вполголоса выть. «Тихо, тихо», – повторяет Рич и латает его тело, зашивает рану и кладет на лоб воину ладонь, заставляет его лечь, а затем набирает пригоршни зеленого варева и оmyвает его с головы до ног. «А теперь можешь и полетать», – шепчет юная колдунья и выдергивает стилет.

И Зиди взлетает. Он взмывает к потолку, пробивает ветхую кровлю, устремляется в ночное небо, которое стремительно светлеет, и видит далеко внизу одинокую повозку, на облучке которой сидит удивительно старая Рич, а под ветхой тканью лежит почти бездыханное тело.

«Куда мы едем, Рич?» – «В Суйку мы едем, Зиди, в Суйку». – «Рано мне еще в Суйку, Рич». – «В самый раз, Зиди. В самый раз». – «А где муравьиный мед, Рич?» – «У тебя под головой, Зиди. У тебя под головой...»

Зиди проснулся в полдень. Небо было серым, но Аилле просвечивал сквозь тучи почти прямо над головой. Боль продолжала жить в теле, но она уходила, высыхала как лужи после летнего дождя, оставляя после себя усталость и пустоту. «Где мы?» – хотел спросить баль, но не смог не только вымолвить слово, даже выдох сделать.

– Тихо, – прошептала, обернувшись, Рич. И Зиди затрясся, захрипел, пытаясь избавиться от наваждения, потому что на него смотрела сама смерть. Волосы старухи были седые и спутаны, лицо бороздили ужасные морщины, во рту не осталось зубов.

– Тихо, – настойчиво просипела Рич.

– Это морок? – попытался спросить воин.

Губы вновь не послушались его, но старуха поняла.

– Нет, – сказала она. – Это покрывало смерти. Я набросила его и на себя и на тебя. Два-три дня я выдержу, а там уже и до Суйки доберемся. По-другому мне не спрятать нас, баль. Конечно, Арух или Ирунг нас и под покрывалом рассмотрели бы, да не будут они искать здесь. Не будь слуги у Аруха столь хороши, я вообще мороком бы обошлась.

– Зачем нам в Суйку? – попытался спросить Зиди. – Это страшное место.

– Знаю, – расплылась в беззубой улыбке Рич. – Но пока ты слаб, другого пути нам на юг нет. В Омассе будут и Арух и Ирунг.

«Ты думаешь, когда я приду в себя, справлюсь с Арухом и Ирунгом?» – подумал баль.

– Нет, – засмеялась, а затем старчески закашлялась Рич. – Но если я пройду через Суйку, может быть, нам повезет, и я с ними справлюсь.

– Бежать, – неслышно прошептал Зиди. – Бежать нам надо, Рич. Прятаться. С землей сливаться, в зарослях и болотах таиться. Следы замечать.

– Да, – снова рассмеялась старуха, заставляя звуком голоса шевелиться волосы на голове воина. – Ты лежи. Я ведь как бы мертвого тебя в Суйку везу. Тут таких ездовых, как мы, – много. Нас среди них не распознают.

«Но ведь я жив!» – подумал Зиди.

– Почти мертв, – ответила Рич и щелкнула пальцами.

В глазах у баль померкло, грудь захлестнуло ветром, и мгновенно наступила легкость. Повозка с седой старухой вновь оказалась далеко внизу, на узкой каменистой дороге, меж таких же повозок и поблескивающего доспехами отряда скирских стражников.

Глава девятая

Долгими зимними вечерами, когда сырой мерзлый ветер отбивал охоту высунуть нос на улицу даже у отчаянных скирских мальчишек, матери рассказывали юным сайдам предания, в которых прошедшее и полузабытое переплеталось с придуманным и чудесным. Герои в этих сказках никогда не проигрывали схватки, невесты обязательно дожидались ушедших из дома женихов, а самые страшные чудовища рано или поздно предъявляли собственную несостоятельность.

Только детки не желали слушать о героях и победных походах. Их больше интересовали тайны магии, которыми владели к опасливому почтению прочих лишь жрецы храмов, маги и колдуны. Детки расспрашивали о таинственной пелене, которая к югу от бальских чащоб скрывала за собой таинственное государство Суррару. Их интересовали ужасные степные шаманы, способные напоить серых кочевников такой злобой, что спасения от них не было ни за крепкими стенами, ни за высокими горами. А пуще всего деткам хотелось узнать о городе умерших, куда им путешествовать не позволялось, но о котором вернувшиеся оттуда паломники или похоронщики рассказывали такие вещи, что волосы становились дыбом, а дыхание прерывалось.

Матери сначала упирались для вида, а потом подбрасывали в очаги и камины угли или древесный мусор и начинали издали. Очень давно, когда море было теплее, когда древние земли далекого ныне Гобенгена – столицы замороженной родины сайдов – еще не поглотил лед, и конг смотрел с высокой башни в бескрайнее море не на север, а на юг, мертвые отправлялись в вечное плавание иначе. Не было повозок и дряхлых женщин на облучках. Никто не укладывал мертвых на деревянные телеги и не вез их в город умерших. Плотник строил грубую лодку, тело укладывали на ее дно и сталкивали хлипкое суденышко с берега. Оно уплывало с отливом и никогда не возвращалось.

Потом пришел холод. Когда последние надежды на потепление иссякли, сайды сели на корабли и поплыли на юг, куда раньше их предки плавали только для торговли или грабежа. Они и раньше знали о глухих лесах, высоких горах и прикрытых рифами берегах полуострова, который местные племена называли Секир, что на их языке значило «палец», и выбрали эти земли новой родиной.

Никто не селился на скалах и в долинах севернее бурной реки Даж. Лесные племена отчего-то считали эту землю проклятой, только гордые сайды привыкли не придавать значения чужим проклятиям, иначе не сохранили бы себя в тех испытаниях, что отпустила им судьба. Меж двух языков застывшей лавы на северном мысе полуострова переселенцы нашли бухту и заложили близ нее город, который, как и все земли вокруг, называли Скир, потому что на языке сайдов это означало «якорь», переиначив тем самым древнее имя чужой земли.

И началась новая жизнь. Только мертвецы не соглашались теперь уплывать от берега. Лодки течением прибывало обратно. И тогда соседние племена, которые еще не видели в пришельцах врагов, хотя и дивились их смелости и бесстрашию, рассказали о городе умерших – Суйке, что на их языке значило «сон». Страшным был этот сон. Столь страшным, что все окрестные земли, вплоть до самой северной гавани, занятой ныне сайдами, оказались незаселенными или брошенными исконными жителями. Они оставили эту землю для мертвых. Их отцы были похоронены в городе умерших. И отцы их отцов были похоронены в городе умерших. И отцы тех народов, что жили еще до них на этих землях. Все они находили приют в городе умерших.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.